

Богдан СУШИНСКИЙ

КОСТРЫ ФЛАМАНДИИ

Казачья слава

Богдан Сушинский
Костры Фламандии

«ВЕЧЕ»

2015

Сушинский Б. И.

Костры Фламандии / Б. И. Сушинский — «ВЕЧЕ»,
2015 — (Казачья слава)

После удачного штурма Дюнкерка, казаки, во главе с князем Одаром-Гяуром и полковником Сирко, решительно отбивают атаки испанцев на близлежащий форт и совершают освободительные рейды вдоль побережья Ла-Манша. На их сабли делают ставки, с одной стороны, кардинал Мазарини, уже видевший себя единоличным правителем Франции, с другой – принц де Конде, не желавший мириться с тем, что страной правят любовники – кардинал и Анна Австрийская. А еще их пытаются втянуть в парижскую интригу, связанную с борьбой претендентов на польскую корону, поскольку Франция уже видела себя в роли западноевропейской покровительницы политически ослабленной Польши. Сюжетно этот роман является продолжением романа «Французский поход».

© Сушинский Б. И., 2015

© ВЕЧЕ, 2015

Содержание

Часть первая	5
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Богдан Сушинский

Костры Фламандии

Часть первая

Метки вечности

1

Готические своды зала таили в себе исповеди веков; голоса собравшихся в нем людей соединились с оживающими в памяти стен голосами предков, а каждый камень, загнанный когда-то мастерами под своды этого старинного особняка, источал тлен интриг, заговоров и покушений. Возможно, поэтому собравшиеся здесь воины чувствовали себя заговорщиками-апостолами во время еще одной тайной вечери.

– За счастливое возвращение, господа, за общие победы на поле боя, – задумчиво произнес граф де Брежи, поднимая свой кубок с красным бургундским вином.

Все понемногу отпили, но продолжали стоять с кубками в руках.

«Когда еще придут эти “общие победы”, и придут ли вообще?» – думалось воинам, каждому на свой лад. – Однако стремиться к ним, полагаясь на славу предков и гадая на метках вечности, нужно».

– Я уведомя коронного канцлера Оссолинского, – обратился посол к полковнику Хмельницкому, – что переговоры прошли успешно.

– Ибо так оно и было на самом деле.

– И что король Франции, кардинал Мазарини и главнокомандующий французской армией принц де Конде вашей миссией в Париже остались довольны, о чем свидетельствуют их письма.

– По крайней мере, ваше уведомление избавит меня от визита к канцлеру, который отнял бы столь ценное для нас время, – сдержанно поблагодарил Хмельницкий.

– Если только коронный канцлер сам не настоит на вашем докладе как подданного польской короны, – дипломатично подстраховался граф. – Тем более что именно вы возглавляли посольство во Францию и вам надлежит формировать украинский казачий корпус.

– Понятно, что королю придется считаться с этим, – горделиво признал полковник.

Гости вежливо промолчали. Они и мысли не допускали о возможной неудаче миссии столь многоопытного дипломата. Пусть даже такой незначительной... неудаче.

– Мы рады, что ее величество высоко оценила наши переговоры, – безмятежно улыбнулся Хмельницкий. Постараемся и впредь не разочаровывать ее. Особенно во время нашего французского похода, только теперь уже боевого, – осмотрел он стоявших по обе руки от него князя Гяура, полковника Сирко, лейтенанта д'Артаньяна и сотника Гурана.

– Истинно так, истинно, – поддержал его Сирко в свойственной ему манере. – Казаков соберем, в порт прибудем. Только бы французские корабли появились вовремя.

– Корабли – наша забота, – вежливо напомнил о своем долге посол. – Мы заинтересованы, чтобы они появились в Гданьске в день, указанный в договоре. Но позволю себе заметить, что до Украины отсюда далековато. А времени у вас, господа, крайне мало. Даже королева не заставит капитанов судов ждать в порту дольше, чем обусловлено контрактом.

– Меня это тревожит не меньше, чем вас, – сказал Хмельницкий.

– Поэтому завтра же разошлите своих людей по украинским воеводствам и староствам. Сейчас вы получите четыре универсала коронного канцлера Польши, дающих право найма казаков на службу французскому королю на всей территории Речи Посполитой. При этом никто не смеет чинить вам никаких препятствий. Через несколько минут мой секретарь доставит универсалы из канцелярии господина Оссолинского.

Каждое молвленное ими слово долго блуждало под почерневшими сводами и приглушенным эхом уходило в вечность.

– Это важно, – свидетельствовал перед ней Хмельницкий. – Только что прискакал гонец. Он сообщил, что полторы тысячи казаков под командованием двух сотников уже собраны недалеко от Самбора и ждут разрешения двинуться в глубь Польши, к Гданьску.

– Считайте, что это разрешение уже получено.

– Имея универсал канцлера, этот казачий отряд приведет к Варшаве, а затем и на побережье известный вам полковник Гяур.

– Значит, вы окончательно решились участвовать в походе казаков, князь? – обратился посол к Гяуру.

– Коль уж представился такой случай.

– Но для того, чтобы стать французским наемником, вам не обязательно было прибывать в Речь Посполитую, – заметил посол. – Вы учились во Франции, прекрасно владеете языком этой страны... Тогда в чем тайна подобного решения?

– В том, что я прибуду в эту страну вместе с казаками. Для начала надеюсь добыть у этого степного воинства такие славу и уважение, чтобы значительную часть его со временем повести на землю моих предков.

Граф де Брежи слушал его, запрокинув голову и закрыв глаза, словно пытался представить себе князя русичей во главе казачьего воинства, направляющегося к берегам Дуная.

– Рад за вас. При королевском дворе кое-кто сомневался, что вы решитесь на французский поход, будучи уверенным, что в ваши интересы подобный вояж не входит.

Князь вежливо склонил голову, приветствуя де Брежи высоко поднятым кубком. Все, что можно было сказать по этому поводу, он уже сказал, а досужие вымыслы придворных его не интересуют.

– Замечу также, – неожиданно продолжил излагать свои планы Хмельницкий, – что, по моему приказу, завтра на рассвете полковник Сирко уедет на Брацлавщину и приведет несколько сотен воинов оттуда. А сотник Гуран отправится на свою родину, Киевщину. – Генеральный писарь реестрового казачества¹ немного помолчал, задумчиво глядя в окно. – Я же, господа-братове, подамся на Запорожье. А посему не знаю, граф, придется ли мне самому вести потом наши полки во Францию. Скорее всего такая миссия выпадет полковнику Сирко.

Все ошарашенно уставились на Богдана Хмельницкого. Перехватив недоуменные взгляды офицеров, посол понял, что и для них решение генерального писаря тоже стало неожиданностью.

– Как, вы отказываетесь от участия в этой кампании?! – удивленно нахмурился де Брежи. – Но почему? В Париже при дворе о вас уже знают. Оговорено, что во Франции вы будете удостоены чина полевого маршала, то есть генерал-майора. Что, кстати, вполне соответствует чину наказного атамана – командующего казачьими войсками во Франции, которым жалуется вас король Польши.

---

¹ В современном понимании, генеральный писарь реестрового казачества должен восприниматься как начальник штаба украинского казачества, которое состоит в королевском реестре, а значит, финансируется из королевской казны и служит королю. Именно саблями реестровых казаков Речь Посполитая чаще всего и подавляла небольшие казачье-крестьянские восстания в Украине, что нередко приводило к конфликтам между запорожцами и реестровиками.

– Вести полки во Францию без тебя, Хмель? – покачал головой Сирко. – Это все равно, что привозить на чужбину два полка бездомных сирот.

Хмельницкий мрачно улыбнулся.

– Додумался же: «два полка бездомных сирот»! – снисходительно похлопал Сирко по плечу.

– Потому что так оно и есть.

– С тобой они сиротами не будут. Как не были ими с атаманами Сулимой и Кривоносом, с полковником Носковским.

Посол вопросительно взглянул на д'Артаньяна, словно требовал от него объяснения происходящего.

– Клянусь пером на шляпе гасконца, – многозначительно изрек лейтенант мушкетеров, предоставив де Брежи самому разгадывать, что скрывается за этой его ни к чему не обязывающей клятвой.

– Так что же все-таки произошло? – снова обратился граф де Брежи к полковнику Хмельницкому.

– У меня свои собственные планы, – уклончиво ответил Хмельницкий, не желая предавать их какому-либо обсуждению.

– Тогда признайтесь, что возникли они задолго до того, как вы дали согласие участвовать в переговорах с Мазарини.

– Охотно признаюсь в этом.

– То есть ваши планы настолько далекоидущие, что очень скоро может понадобиться серьезная поддержка первого министра Франции, как, впрочем, и ее главнокомандующего, – лукаво ухмыльнулся посол.

– Вы ожидали, что стану отрицать такую возможность?

– Вот тогда-то вы и попытаетесь воспользоваться личным знакомством с этими аристократами.

Хмельницкий ответил ему точно такой же лукавой ухмылкой и произнес:

– Но согласитесь, грех было не воспользоваться возможностью лично встретиться с этими влиятельными французами. Да и просто побывать в Париже.

– Оно и понятно.

– На этом разговор можно было бы и закончить. Но возникает один вопрос: а не приходило ли вам в голову, что это не я искал встречи с первым министром и главнокомандующим Франции, а они – со мной? И что не я, а эти господа рассчитывают на мою помощь как влиятельного казачьего командира?

Вместо того, чтобы сразу же ответить на вопросы полковника, граф де Брежи принялся наполнять еще далеко не опустошенные бокалы.

– Вот только высказывать в Варшаве или в Кракове эти версии вслух, – задумчиво произнес посол, – не советую. Поскольку сами по себе они тоже способны породить целую лавину домыслов и предположений. Причем некоторые из них могут привести вас даже на эшафот.

Полковник поиграл желваками и недовольно покряхтел. Он прекрасно понимал, что не должен обращаться к подобным доводам. Но ведь он уже высказал их послу Франции, притом что полковники Сирко и Гяур и так в курсе всех событий.

– Ваши слова следует воспринимать как угрозу? – негромко и как можно спокойнее поинтересовался генеральный писарь, не желая портить отношения с человеком, благодаря которому он, собственно, и смог побывать в Париже.

Я только потому и спровоцировал вас на эти откровения, – вежливо объяснил посол, – что хотел предупредить об опасности, которая уже нависает над вами.

2

Первый министр Франции кардинал Мазарини вышел из апартаментов королевы и, ни на кого не глядя, воинственно вскинув римский подбородок, прошел через официальную приемную.

Завидев его, кто-то подхватился, чтобы засвидетельствовать свое почтение, кто-то предпринял робкую попытку заговорить, однако на смугловатом, застывшем лице кардинала, каждая линия которого напоминала о его сицилийских корнях, насквозь пропитанных кровью гордых римлян и коварных мавров, не вздрогнула ни одна жилка.

Он буквально протаранил всю эту свору пробивающихся к королеве отставных министров, несостоявшихся алчных промышленников и разорившихся аристократов; вечно скулящих провинциальных чиновников и жаждущих благосклонности самой Анны Австрийской чужеземных проходимцев.

Он воинственно проутюжил эту разноликую стаю лакеев, словно кашалот – скопище анчоусов, и, пройдя по почти пустынным коридорам, скрылся в кабинете для официальных приемов.

Этот кабинет в королевском дворце Пале-Рояль, в котором Мазарини обычно принимал послов и министров, нравился ему куда меньше, чем рабочий кабинет в Лувре – более уютный, обжитый, где можно, хотя бы мысленно, уединиться и сосредоточиться. Тем не менее сегодня он должен быть здесь. Только что, буквально перед визитом к королеве, секретарь уведомил его, что на прием просится папский нунций. По рангу посол папы был куда выше всех остальных послов, и лишь чрезвычайные обстоятельства могли позволить первому министру какой бы то ни было католической страны, пусть даже Франции, отложить встречу с ним. Возможно, поэтому Мазарини отложил ее с явным удовольствием, сославшись на аудиенцию у королевы и прочие неотложные дела, вызванные войной с Испанией.

– И все-таки папский нунций ждет вашего соизволения, – вновь появился в двери секретарь де Жермен, решив, что время отсрочки прошло.

– Лично вас это должно приободрять.

– Но, думаю, будет удобно, чтобы...

– Не томите себе душу, – прервал Мазарини привычные секретарские излияния. – Пригласите его через двадцать минут. Исключительно из уважения к папе римскому.

– Это и понятно: ведь у вас – конфиденциальная беседа с ее величеством, – произнес де Жермен таким официальным тоном, словно уже уведомлял о ней папского посла.

Но он был прав. Эти двадцать минут действительно понадобились Мазарини, чтобы немного остыть после разговора с королевой. В последние дни Анна Австрийская вообще выглядела уставшей, затравленной. Но сегодня она вела себя так, словно королевский дворец уже находится в осаде ее многочисленных врагов. «Впрочем, она недалеко от истины, – произнес про себя кардинал. – Дворец действительно в осаде. И то, что осада эта пока не обозначена конницей аристократов, вооруженным людом и толпами сбежавшихся со всей Франции нищих и юродивых, трагизма ситуации не снижает. Мы все теперь чувствуем себя так, словно исчерпали все средства сопротивления, и мечемся между коллективным самоубийством и... сдачей в плен, что тоже является актом коллективного самоубийства».

Еще несколько минут назад, находясь в апартаментах королевы, Мазарини едва сдерживал себя, чтобы не надерзить ее величеству. Его буквально взбесила истеричность обычно такой сдержанной, рассудительной «испанки». Но теперь он и сам понимал, что Анне Австрийской было от чего прийти хоть в уныние, хоть в бешенство. Роптание по поводу огромных налогов, введенных первым министром, – будто он ввел их по своей прихоти, а

не исходя из интересов государства! – теперь уже переростало в откровенное возмущение. Кое-где даже вспыхивали, пока еще небольшие, но все же бунты.

Военные тоже крайне недовольны обеспечением армии. Промышленники и богатые земледельцы требуют прекратить эту бесконечную, не сулящую ни побед, ни выгод войну. Из лагеря оппозиции все яснее доносятся обвинения в том, что королева потворствует Испании и не желает победы Франции; что вся власть в королевстве оказалась в руках «жестокосицилийца», «сатаны в сутане» кардинала Мазарини. А в чьих еще руках она могла оказаться?

Мазарини позвонил в колокольчик и на пороге вновь появился секретарь.

– Есть какие-либо сведения из Варшавы?

– Пока нет, ваше высокопреосвященство.

– Пока нет... – машинально повторил кардинал. – Молчит посол де Брежи, а почему... молчит?

– Рановато. Отряды казаков, очевидно, еще даже не сформированы. К тому же нужно время, чтобы перебросить их сюда.

– Да вы, Франсуа, стратег!

– Прошу прощения.

Виконт де Жермен всегда ощущал некоторую неловкость от того, что порой вынужден был объяснять первому министру элементарные вещи. Однако кардинал сам желал этого. В тот или иной день вдруг наступали, – секретарь очень тонко и точно улавливал это, – минуты, когда Мазарини нуждался в ком-то, кому мог бы довериться со своими сомнениями. Высказать вслух то, чего нигде и никогда не высказал бы, не рискуя быть непонятым или даже осмеянным.

В последнее время кардинал особенно нуждался в нем как в собеседнике, от которого можно не таиться, а главное, которого в любую минуту можно было выставить за дверь, как только почувствуешь, что его присутствие становится обременительным. А что? Надежно и предельно удобно.

«Вас в любую минуту можно выставить за дверь – вот в чем ваша “ценность”, в чем прелесть общения с вами, де Жермен, – саркастически поставил самого себя на место секретаря. – Причем в этом вся философия вашего бытия».

– Папский нунций все еще здесь? – вырвал его кардинал из потока пленительного самостязания.

Виконт де Жермен красноречиво пожал плечами: дескать, где же ему еще быть? Но тут же произнес:

– Я успел переговорить с ним.

– И что он вам поведал? Только цитаты из писаний от Матвея и последней буллы понтифика прошу исключить.

– Если их в самом деле исключить, а также исключить все, что касается дорожных приключений и приверженности папского нунция церковным догматам, его рассказ тут же превратится в сплошное богохульство. Как, впрочем, и сказание обо всех...

– Он прибыл сюда с посланием от папы римского? – нетерпеливо прервал первый министр словоизлияние своего секретаря.

– Похоже на то. – Видя, сколь мучительно смотрит кардинал на него и на дверь, которую он прикрывает собой, словно последний защитник – ворота крепости, де Жермен мысленно рассмеялся. Он представил себе, как Мазарини не хочется сейчас принимать этого посла. Как после трудного разговора с королевой, о чем можно было догадаться по выражению его лица.

– Мазарини вообще никого не хочется ни принимать, ни хотя бы видеть.

– Так чего же вы тянете, Франсуа?! – вдруг взорвался кардинал именно в ту минуту, когда сознание секретаря достигло наивысшей точки сочувствия своему патрону. – Что вы морочите мне голову?!

– Как бы я посмел, ваше высокопреосвященство?!

– Тогда, кто позволил вам томить в приемной папского нунция?!

– Виноват, ваше высокопреосвященство, – попятился де Жермен. – Разве вам не известно, что двери кабинета первого министра должны открываться перед папским нунцием с такой же легкостью, с какой перед самим папой римским открываются ворота рая?

– Как всегда, непростительно виноват. Сейчас же принесу нунцию свои искренние извинения.

– И вы их непременно принесете, причем в самой вежливой, искренней форме.

3

Неслышно приблизился слуга и наполнил кубки вином. Другой слуга появился с подносом, на котором лежали тарелки с мелко нарезанным, поджаренным мясом и зеленью.

– Видите ли, – Хмельницкий настороженно посмотрел на графа де Брежи, еще не решив, следует ли ему быть до конца откровенным с чужеземным послом. – Вчера я беседовал с гонцами тех полутора тысяч реестровцев, что согласились ехать во Францию. Честно скажу: всякого пришлось послушаться от них. Оказывается, за то время, пока мы вели переговоры во Франции, многие пункты договора, заключенного между украинским казачеством и правительством Речи Посполитой, шляхта успела грубо нарушить.

– Как посол я не имею права вмешиваться в отношения между правителем этой страны и его подданными, сколь бы сложными и трагическими они ни представляли.

– Вмешиваться вы не имеете права, согласен, однако проникнуться пониманием этих сложностей...

– Проникнуться – да, это позволительно даже послам, – хитровато ухмыльнулся де Брежи.

– Потому и говорю, что все привилегии казачьей старшины, все обещания не окатоличивать веру нашу греческую, все клятвы поддерживать казачество в борьбе против Крымской и Буджацкой орд – остались на бумаге да в лстивых словах.

– Увы, дипломатам это давно знакомо, – мрачно поиграл желваками де Брежи. – Хотя понимаю, что это не облегчает тяжести ваших раздумий.

– Вот они, раздумья эти, как раз и подсказывают, что сейчас мне лучше находиться неподалеку от Чигирина, поближе к Сечи. Ну да об этом мы еще поговорим. Ваше здоровье, господин посол. За свободную Францию. Чтобы ни один враг никогда не смел терзать вашу землю и ваш народ.

Только сейчас Хмельницкий понял, чего ему не хватает в этом мрачноватом, обогренном пламенем камина зале, – распятый. Сотни распятый, собранных в домашнем кабинете де Брежи, – вот что способно было возродить ту атмосферу христианского сострадания, которая царила при их первой встрече и которая развеивалась официальнойностью нынешнего приема.

– И за свободную Украину, – добавил граф, проницательно глядя на Хмельницкого.

– Вот именно, за свободную!.. – откликнулся полковник.

Французу все больше нравился этот мужественный человек. Как дипломату ему все отчетливее виделись в словах и поступках, в самой манере полковника вести переговоры – обстоятельность и дальновидная мудрость государственного деятеля, которого так важно иметь сейчас в Украине, и без которого она вряд ли сможет возвыситься до собственной короны. Независимо от того, скольких атаманов-рубак, скольких вождей крестьянских вос-

станий она еще взлелеет в своем лоне, сколькими мужественными рыцарями осенит свою историю.

– Мне приходилось бывать в ваших землях. К тому же в посольство стекается немало вестей обо всем происходящем в украинских провинциях. Хотел бы, чтобы вы видели во мне человека, отлично понимающего ваши тревоги. Всеобщее молчание было лучшим способом одобрения его слов.

– Может случиться так, что командование казачьим корпусом мне действительно придется передать полковнику Сирко. В таком случае просил бы вас, господин де Брежи, как можно деликатнее объяснить ситуацию принцу де Конде, а главное, кардиналу Мазарини.

Посол с недоверием и, как показалось Гяуру, почти с ужасом посмотрел на Хмельницкого. Полковник, на которого в Париже уже рассчитывают как на командира наемного казачьего корпуса, срывает договор, беспардонно отказываясь ехать во Францию. Как это будет воспринято, причем не только в Париже? Как истолковано? Как должен чувствовать себя он, граф де Брежи, рекомендовавший Хмельницкого в качестве предводителя казаков-наемников?

Только сотканное из десятилетий посольского опыта долготерпение графа удержало его от целого десятка вопросов и вполне естественного в подобной ситуации негодования. В глубоком молчании он сжег все свои «почему», испепелил возмущение и, поразив присутствующих своей выдержкой, совершенно спокойно, с подбадривающей улыбкой произнес:

– Само собой разумеется, полковник. Они будут поставлены в известность таким образом, что ваше отсутствие никак не отразится на пунктах договора, а следовательно, на судьбе воинов, изъявивших желание скрестить оружие в боях за Францию. То есть можете быть уверены, что я не подведу вас ни при каких обстоятельствах.

– Я был уверен в этом, господин посол, задолго до нынешней встречи.

– А вот я кое в чем не уверен.

– В себе? – поползли вверх узкие, по-дворянски ухоженные брови Хмельницкого.

– В том, что вы способны собрать под свои знамена обусловленное количество сабель.

4

Мазарини с трудом дочитал до конца пространную, с бесконечными ссылками на того, на кого теперь ссылаются все, кому не лень – от папы римского до последнего уличного бродяги, – буллу², и еще с минуту стоял с полузакрытыми глазами, делая вид, что внимательно вчитывается в текст послания. Только глубочайшее уважение к собственному, второму после папского, титулу в церковной иерархии католической церкви, удерживало сицилийца от того, чтобы швырнуть презренный свиток в камин и навсегда забыть о нем.

Тем временем нунций Барберини терпеливо ждал. Он был убежден, что булла папы, сам тот факт, что Иннокентий X, лишь недавно избранный конклавом³ папой, чуть ли не первой своей буллой обратился именно к кардиналу Мазарини, – должны были засвидетельствовать перед королевой Анной Австрийской, всей Европой, сколь глубоко озабочен римский патриарх положением, сложившимся во Франции в ходе изнурительной многолетней войны.⁴

---

² Булла – послание, с которым папа римский обычно обращается к церковным или государственным деятелям по поводу каких-либо важных событий в церковной или политической жизни католического мира.

³ Заседание коллегии кардиналов, во время которого избирают папу римского.

⁴ Описываемые события происходили во время Тридцатилетней (1618–1648) войны.

Худощавый, аскетического вида, с лицом, покрытым тленной желтизной, Барберини любому мог бы показаться образцом аскетизма и смиренности. Любому, кроме кардинала Мазарини, хорошо знавшему непота⁵ предшественника нынешнего папы Урбана VIII.

Будь Мазарини обычным первым министром правительства ее величества, нунций просто передал бы ему послание папы в официальной обстановке, в присутствии нескольких министров или кого-либо из представителей королевской семьи, и счел свою миссию выполненной. Это уже дело первого министра, когда и в какой форме он даст ответ папе.

Но Барберини помнил: он имеет дело с одним из любимейших кардиналов Урбана VIII. Да-да, тем самым Мазарини, которого кое-кто из кардиналов не прочь был видеть даже на ватиканском троне, коль уж ему не повезло с тронном французским. И хотя пробиться к этому трону ему, судя по всему, будет теперь еще труднее, чем к французскому, Мазарини продолжал пользоваться в церковном мире огромным авторитетом.

Первый министр положил перед собой послание и, закрыв лицо руками, несколько минут сидел в глубоком бездумии, незаметно массируя пальцами лоб и похолодевшие виски. Нужно было иметь неистребимое мужество, чтобы после всех тех стенаний, которые он выслушал во время аудиенции у королевы-регентши, спокойно воспринять еще и это «богоугодное» послание. Как будто Джамбатисто Памфилию⁶ неизвестно, что не он, кардинал Мазарини, затеял эту дурацкую войну. Будто ему неизвестно, что ни ход ее, ни тем более прекращение – совершенно не зависят от того, желает ли первый министр Франции продолжить войну или не желает? Вот именно, теперь уже не зависят.

Словно он не ведает, что по всей Франции уже вспыхивают бунты⁷, которые все преступнее начинают использовать в своих целях военные сановники и значительная часть близкой ко двору аристократии, пытаясь вместе с правительством Мазарини отдалить от трона Анну Австрийскую и ее младовозрастного сына.

А если ему все это до сих пор неизвестно, то какого дьявола он суется со своими слюнявыми буллами?! Что не позволяет ему изучить ситуацию, сложившуюся в той стране, в дела которой этот самозванный «миротворец» пытается столь грубо и неумело вмешиваться?

Нет, он понимает: теперь у папы есть свидетельство того, что он лично призвал Париж к миру и духовному умиротворению. Но это уже традиционные папские уловки, которые никак не способны повлиять ни на ход войны, ни на его, первого министра, способ мышления.

Но как раз в тот момент, когда нервное напряжение достигло такого накала, что Мазарини готов был растерзать папское послание и выставить нунция из кабинета, чтобы, оставшись в одиночестве, взвыть от тоски и бессилия – он вместо этого почти искренне улыбнулся:

– Нами будет подготовлен обстоятельный ответ папе. Но уже сейчас можете передать падроне⁸, что правительство Франции, а также ее величество королева с глубочайшим вниманием изучили буллу, увидев в ее появлении знамение Божие, которое позволит нам привести королевство и всю Европу к завещанному Господом нашим миру.

---

⁵ Непот – родственник папы, получивший в связи с этим родством сан кардинала или важный пост в церковной администрации.

⁶ Джамбатисто Памфили – мирское имя папы Иннокентия X.

⁷ В этот период во Франции действительно вспыхивало немало стихийных бунтов, вызванных тяготами войны, а главное, непосильными налогами, которыми прославилось правительство Мазарини. Кстати, в это же время в стране зарождалось широкое общественно-политическое движение, так называемая «фронда», направленное против монархического абсолютизма.

⁸ Главу статс-секретариата Ватикана, ближайшего соратника папы, в обиходе называют падроне, то есть «кардинал-хозяин».

Нунций не шевельнулся. Он молча выдержал взгляд Мазарини и остался сидеть в своем высоком кресле из красного дерева – выпрямленный, неподвижный, с навечно застывшим лицом-маской. Его не удивило, что Мазарини просит передать эти слова падре еще до того, как будет составлен официальный ответ папе. Барберини отлично знал, что папа куда внимательнее прислушивается не к тому, что ему зачитывает статс-секретарь, развернув послание того или иного правителя, а что тот скажет ему, не заглядывая в официальные бумаги. Но только потому, что нунцию это было хорошо известно, он и ждал, когда же кардинал произнесет именно те слова, которые действительно должны дойти до слуха наместника Иисуса Христа.

Мазарини тоже прекрасно понимал смысл молчания посла. Конечно, он мог бы просто-напросто не обратить внимания на эту буллу, то есть дать официальный ответ с такими же, ни к чему не обязывающими, словами признательности папе и Богу, какими он только что «ошаршил» выдавшего виды кардинала Барберини.

Но был один момент, который папа, сядя за послание, или не сумел учесть, или же, наоборот, очень тонко учел. Стоит первому министру объявить, что такое послание папы появилось, как сразу же взбодрятся все те силы, кои уже давно добиваются прекращения войны. Все те, кто жаждет мира любой ценой, даже ценой позора Франции, а значит, и его, кардинала Мазарини, личного позора!

«Пожалуй, – скажут они, – эта война зашла столь далеко и выглядит настолько бессмысленной, что кончилось терпение даже у многотерпимого папы римского. Но кто в таком случае сможет упрекнуть в бунтарстве нас, простых грешных?!». На папу римского им, заговорщикам-гугенотам, конечно, наплевать. Но ведь точно так же им наплевать и на него, ненавистного «сицилийца» Мазарини.

– Я уже сказал, – опять вежливо улыбнулся первый министр, – что мы здесь, в Париже, воспринимаем любое послание папы почти так же, как всякий благочестивый христианин воспринял бы благословение Иисуса... – Из уст нунция вырвалось нечто похожее то ли на вздох облегчения, то ли на стон человека, страдающего неимоверной зубной болью. – Однако же я, слуга Божий, до сих пор считал, что войны волей Господа нашего начинаются и с этой же волей Господа нашего завершаются.

– Существуют истины, которые не подлежат сомнениям, – почти проскрежетал зубами кардинал Барберини. – Однако мы с вами могли бы уйти от некоторых догматов, чтобы остаться реалистами.

– Вряд ли нам удастся уйти от них. Иное дело, что некоторые церковные догматы с успехом можно заменить догматами политическими.

– Здесь их тоже немало, – согласился посол.

Мазарини медленно, угрожающе поднялся. Упершись руками почти в середину стола, он всем туловищем подался к нунцию и четко, громко чеканя каждое слово, произнес:

– Пусть в кабинетах папской курии⁹, в которых была задумана и сочинена сия булла, запомнят: любая моя попытка немедленно прекратить войну стала бы победой врагов не только престола Людовика XIV, но, что более страшно, врагов Святого престола. Не ослаблять дух воинства Христа, выступающего под знаменами французского короля, нужно бы сейчас папе римскому, а, наоборот, укреплять его, возвышать в вере, порождать чувство поддержки. Само собой разумеется, мы сделаем все возможное, чтобы эта бесконечная война наконец завершилась.¹⁰

---

⁹ Курия – центральный административный аппарат римско-католической церкви, возглавляемый самим папой. Составной частью курии является папский статс-секретариат.

¹⁰ Конец Тридцатилетней войне (1618–1648) был положен лишь три года спустя, заключением известного Вестфальского мира.

– Вот и Святой престол желает того же, – расплылся в масляной ухмылке папский нунций. – Самое время завершить ее, самое время... Видите, как близки в этом святом, богоугодном деле интересы Ватикана и Парижа.

– Но завершить не раньше, – едва хватило первому министру терпения выслушать эту реплику Барберини, – чем нам удастся усмирить бунты внутри страны, в том числе и бунты, возглавляемые тайными и явными еретиками. – Голос главы правительства Франции стал жестким, не терпящим никаких возражений. – Однако по-настоящему усмирить их мы сможем, лишь усмирив врагов наших на полях сражений. Неужели сочинителям папской буллы сие неведомо?

– То есть вы считаете данное послание папы явно несвоевременным? – отшатнулся от него нунций, откинувшись на обтянутую малиновым бархатом спинку кресла.

– Ну, что вы, кардинал? Папское послание уже хотя бы потому не может быть «несвоевременным», что оно является папским, – явно издевательским тоном произнес Мазарини. – Однако нам, смертным, никогда не мешает подумать, сколь своевременно привлекать к нему слишком большое внимание мирян. А папе – сколь своевременно требовать выполнения отдельных его положений.

– Один из догматов политики, – согласно кивнул нунций после напряженного молчания, – без которых не обойтись ни одному государству, ни одному первому министру.

– Тем более что все великие хитрости политиков, если верить хронистам римского престола, зарождались как раз в среде затворников конклава¹¹. В том числе и самые, мягко говоря, двусмысленные.

Барберини красноречиво промолчал.

Первый министр тоже опустил в кресло, не сводя, однако, с нунция своих налитых кровью глаз и готовый в любую минуту вновь подхватиться. Мазарини прекрасно понимал, что за буллой стояли те божьи агнецы-кардиналы, которые не могли простить ему, что и при Иннокентии X он, похоже, остается в фаворитах; которые все еще продолжали мстить ему, пытаясь окончательно оттеснить от ватиканских врат, как от врат вождя рая. Разве не понятно, что вознесение Мазарини на политическом Олимпе позволяло ему успешно претендовать и на Олимп церковный?

– До меня дошли слухи, – нарушил свое молчание нунций, – что вы благословили наем двух полков православных подданных короля Польши.

– Два полка, пеший и конный, украинских казаков. Давно, кстати, прославившихся в борьбе с мусульманами. Хочу, чтобы эта война стала еще одним символом единения двух ратей, католической и православной, воинства Христова.

Нунций прекрасно понял, с какой стати первый министр Франции вдруг заговорил о «двух ратях воинства Христова».

– В папской курии есть влиятельные люди, способные поддержать идею появления во Франции такого воинства, – твердо пообещал он.

5

Прием у графа де Брежи завершился, когда на пороге вдруг возник его секретарь Пьер де Шевалье. Он стоял, не решаясь ни подойти, ни окликнуть графа. Сам же посол заметил его лишь после того, как все остальные выжидающие устали на этого человека.

---

¹¹ Начиная с XV столетия, согласно распоряжению папы Каликога III, кардиналов, участвующих в выборах папы (то есть в конклаве), замуровывают в Сикстинской капелле апостолического дворца, и они находятся там до тех пор, пока не изберут нового главу римско-католической церкви.

– Слушаю, господин Шевалье, слушаю. – Граф всегда оставался недоволен попыткой отвлечь его от приятного общения с этим «бродячим хронистом» какими бы то ни было срочными делами.

– Великодушно простите, ваша светлость, но это касается только вас.

– Вы так решили, мсье? – недовольно проворчал посол, сохраняя при этом иронично-вежливую улыбку. – Да услышат сие наши гости и не сочтут за мое старческое непочтение к ним.

Де Брежи извинился и, все еще блудя невозмутимость, удалился вслед за Шевалье.

– А ведь этого, лучшего из секретарей, подарил послу не кто-нибудь, а я, – не без гордости известил присутствующих д'Артаньян, воспользовавшись отсутствием хозяина. – Это же сам Пьер Шевалье, непревзойденный хронист событий и исследователь национальных нравов. Мы случайно встретились с ним по дороге в Париж. Он буквально поразил меня своей эрудицией.

– Секретарю посла эрудиция не помешает, – отдал дань его похвальбе Хмельницкий.

– Однако никто из вас не знает главного. Человек, которого вы только что видели у порога, через какое-то время может стать известным всему миру как исследователь жизни и подвигов украинских казаков.

Теперь уже все трое славян взглянули на д'Артаньяна с явным недоверием.

– И как мы должны истолковывать ваши слова? – поинтересовался князь Гяур.

– А так, что в дорожном сундучке господина де Шевалье лежит рукопись книги, которая, если не ошибаюсь, будет называться: «Исследования о землях, обычаях и походах казаков»¹². Или что-то в этом роде. Я просматривал ее. Великолепный слог. Но главное, нужно слышать его рассказы. Клянусь пером на шляпе гасконца, даже здесь, в Польше, вы вряд ли сыщите ученого мужа, который бы столь досконально знал нравы и обычаи казаков. Пьер вообще рассказывал о них удивительные вещи, буквально потрясая видавших виды французских воинов.

– Хорошо, что вы сообщили об этом, – задумчиво произнес Хмельницкий. – Если представится случай, надо бы пригласить господина Шевалье на Запорожскую Сечь. Или, может, считаете, что он уже побывал там?

– Сомневаюсь. Скорее всего он пользовался преданиями старины и польскими документами; впрочем... – Д'Артаньян взглянул на дверь, ожидая, что вот-вот сможет задать вопрос самому автору рукописи, но бродячий хронист почему-то не торопился являть свой лик.

– Пожалуй, вы правы. Даже если и побывал, то пребывание это оказалось не столь продолжительным, как бы хотелось господину де Шевалье. Не зря же он опять здесь, опять старается держаться поближе к казакам. И потом, вряд ли его посещение Запорожья осталось бы незамеченным для казачьих старшин.

– Не осталось бы, господин полковник. Столь деятельного француза трудно не заметить.

Прошло еще несколько минут, прежде чем в зале вновь появился посол де Брежи. Достаточно было одного взгляда, чтобы Хмельницкому стало ясно: теперь перед ними совершенно иной человек. Холеное, аристократического типа лицо графа вдруг осунулось и побледнело. Глаза угасли. Плотные сжатые губы нервно вздрагивали, погашая в себе рвущиеся наружу слова, которых ни один из присутствующих не должен был услышать. После разговора со знатоком казачьих обычаев посол выглядел основательно постаревшим.

---

¹² Точное название работы Пьера Шевалье – «Исследование о землях, обычаях, способах правления и религии казаков». Как составная часть книги этого же автора, под общим названием «История войны казаков против Польши», она впервые появилась в Париже в 1663 году. Впоследствии она дважды (в 1668 и в 1859 гг.) переиздавалась во Франции, а в 1672 году опубликована в Лондоне, в переводе на английский язык.

Пытаясь ни на кого не смотреть, де Брежи поднял кубок с вином. Все ждали, что он предложит тост или попытается каким-то образом объяснить свое состояние. Но посол с минуту стоял с кубком в руке и задумчиво смотрел в разукрашенное венецианским витражом окно – словно настоятель храма, наивно уверовавший в напороченное им самим чудо и теперь стоически ожидавшим его явления. Затем, не приглашая остальных отведать напиток, утопив взгляд в кубке с багровым вином, выпил, буквально выцедил все до капли.

– Од-на-ко!.. – на правах земляка и равного по аристократическому сану осмелился напомнить ему об обязанностях хозяина граф д'Артаньян.

Де Брежи угрюмо взглянул на него и лишь после этого, словно бы опомнившись, устало произнес:

– Прошу прощения, господа. Как хорошо, что в мире существует этот окропленный кровью Божьей и возвышенный молитвами всех святых, напиток.

– Клянусь пером на шляпе гасконца, – примирительно согласился с ним мушкетер, довольный тем, что посол не обиделся.

– Весьма признателен всем вам за то, что почтили своим посещением, – вдруг явно заторопился де Брежи, поспешно раскланиваясь с гостями. Но в то же время обратился к Хмельницкому: – А с вами, господин полковник, я был бы рад поговорить еще несколько минут. Если только позволяет время.

– Пока что позволяет, – извиняющимся взглядом посмотрел тот на офицеров. «Что поделаешь, – молчаливо пожал он плечами, – выбор графа пал на меня».

– Как только встретимся, обсудим, – подбадривающе коснулся плеча генерального писаря Иван Сирко. – И постарайся быть осторожным, все-таки мы в Польше.

– Во Франции мы, кажется, чувствовали себя куда увереннее.

– Так это же – во Франции! – мечтательно вознес атаман свой взор к небесам. И даже Господу не ведомо было, что скрывается за блаженным воспоминанием этого степного рыцаря о далекой стране галлов.

Каким-то особым чутьем полковник Сирко улавливал, что настораживающая новость, которую принес графу его секретарь, касалась, увы, не только посла. За ней скрывалось нечто такое, что способно круто изменить весь ход событий. Слишком уж пристально следили и при дворе, и в польском сенате за тем, как идут приготовления к походу казаков во Францию.

Причем одних радовало то, что более двух тысяч отборных украинских воинов покинут пределы Речи Посполитой, что, конечно же, будет способствовать умиротворению казачьих степей. Других же настораживало, что европейская слава, которую казаки, несомненно, приобретут во время боев во Франции, лишь подхлестнет атаманов к очередному восстанию. Оно же, в свою очередь, взбодрит тайных и явных врагов Польши – таких, как Османская империя, Крым или Швеция, – которым неминуемо захочется расколоть ее по «украинскому излому».

6

Еще до того, как казаки и д'Артаньян покинули особняк посольства, условившись встретиться в гостинице французского купеческого двора, где они остановились, де Брежи и Хмельницкий прошли по сводчатому, выложенному из серого дикого камня, переходу и оказались в домашнем кабинете посла, том самом, в котором они беседовали перед отъездом полковника во Францию.

Здесь все осталось по-прежнему: каждый «распятый» одним из неведомых мастеров Христос, независимо от того, где и кем бы ни было совершено это творческое богохульство, знал свое место в этом кабинете и свое голгофное толкование. Пожалуй, единственным

исключением из этого «вселенского собрания христомучений» было пока что «распятие», которое только сегодня, в начале встречи, подарил послу сам Хмельницкий.

Слуга графа уже успел занести его, но, не зная, какое именно место определит новинке хозяин кабинета, поставил статуэтку на камин, прислонив ее к стене над оградкой. Догадывался ли он, сколь удачным оказался выбор казачьего полковника? Вряд ли. Тем не менее позаботился, чтобы посол снова обратил внимание на его подарок, оценил и воздал должное вниманию гостя.

Так оно и происходило. Прежде чем что-либо сказать друг другу, полковник и посол остановились перед камином и замерли, рассматривая «распятие» с таким завораживающим интересом, словно видели его впервые. Свое восхищение по поводу этой работы неведомого мастера граф высказал еще тогда, когда принимал дар, однако чувствовалось, что, будь у него иное настроение, а главное, если бы не предстояла трудная беседа – не удержался бы, чтобы не высказать его еще более бурно. Но главное даже не в этом. Здесь, в графском «Храме распятий», эта статуэтка воспринималась значительно эмоциональнее, нежели вне него, поскольку оказывалась среди сотен подобных себе, в помещении, буквально пропитанном таинствами величайшей из библейских легенд.

Хмельницкий набрел на это распятие в отдаленном уголке какого-то парижского базарчика. Оно лежало на выцветшем грязном коврик, посреди множества других статуэток, безделушек и дешевой бижутерии. Торговал всем этим хромоногий человек с побитым оспой лицом, на котором особенно выделялись перечеркивающий чело пепельный шрам да разъединенная язвой черная впадина вместо носа.

То ли из-за безобразного вида продавца, то ли из-за ненужности его изделий, у него почти никто ничего не покупал, даже не останавливался, как это делали возле других торговцев, чтобы посмотреть и, хотя бы из вежливости, поинтересоваться ценой.

А вот полковник сразу же обратил внимание, что вырезано было распятие не само по себе. Мастер не «распятие» создавал, а большой барельеф, на котором «муки Христовы» являлись лишь небольшой, но важной частью. И скомпонован барельеф был таким образом, что крест с «распятым» зависал где-то под небесами. Он словно бы парил над островерхими шпилями кирх, золотистыми куполами церквей и зелеными минаретами мечетей.

Причем замысел этого маленького шедевра открывался не сразу, и только лишь посвященным. Но даже от них требовал особой внимательности и глубокого философского осмысления. Как оказалось, неизвестный резчик дерзко собрал вместе атрибуты враждебных друг другу вер: шпили, купола, минареты, статую Будды, каких-то языческих идолов – и швырнул все это под ноги распятого Христа. Таким образом, с одной стороны, мастер показывал, насколько они, все эти освященные религиями святыни, условны, а с другой – откровенно испытывал и символы, и Христа, и, конечно же, всякого, «распятием» обладающего, на мудрость и веротерпимость. На понимание условности вероучений и условности самого искусства, воспроизводящего каноны этих религий.

Сам же распятый Иисус, пораженный столь безбожным многоверием и неверным многобожием, витал над всем этим, уже давно недоступный для молящихся в храмах и столь же давно непонятый ими. Этот иудей-проповедник оставался одинаково далеким в своих молитвах и от истинных последователей, которых к тому времени оказалось столь ничтожно мало; и от богоизбранного народа – того, что не только первым отрекся от него, но еще и распял.

Увиденное так потрясло Хмельницкого, что, не решаясь, а может, просто не догадавшись взять деревянное распятие в руки, он опустился на расстеленный под статуэткой коврик на колени, и, стоя так, благоговейно прикоснулся к нему пальцами – осматривая, осяпывая раны Господни и при этом искренне молясь.

Интерес офицера-иностранца к созданной им статуэтке оказался настолько неожиданным для обнищавшего торговца-урода, настолько неподдельно искренним, что он и сам невольно опустился на колени. Вдруг этот смуглолицый, с орлиным носом на твердом волевом лице человек в мундире неизвестной ему армии сумел рассмотреть в распятии нечто такое, чего не смог прояснить для себя он сам; вдруг ему почудилось в этом творении грешного резца некое знамение? Что, если в облике многострадального Христа этому чужеземцу явилось нечто сокровенно тайное и святое?

Торговец опустился на коврик напротив Хмельницкого и, приблизив свою голову к голове этого знатного с виду, но явно небрезгливого господина, время от времени с любопытством отшельника заглядывал то в лицо распятого Христа, то в лицо стоявшего на коленях перед распятием человека... Так они и предавались своему ритуальному коленопреклонению до тех пор, пока полковник не произнес:

– Беру его. Я беру его, слышишь?! – и с таким рвением схватил распятие, будто вырывал его из тысячи жаждущих рук.

– А что... в нем? – перехватило горло торговцу. – Что в нем, в распятии этом?

– Может, нам с тобой этого и не понять, – достал полковник горсть монет, наверняка втрое больше той стоимости, которую торговец мог бы запросить, и рассыпал перед ним.

– Это много, – ошалело осматривал свалившуюся на него щедрость уродливый торговец. – Бог тебя одарит, воин, только этого слишком много.

– Нет, мастер, не много. Просто мы с тобой не способны осознать его истинной цены. Как не способны постичь глубину человеческого грехопадения, его жестокости и ложного раскаяния.

– Это правда: не способны, – богобоязненно прошептал торговец. Но потом, словно вдруг спохватившись, почти с ужасом произнес: – А ведь я сам сотворил все это, сам, Господи, прости руки мои грешные!

7

Огонь в камине графа де Брежи не был разведен. В черной пасти его серела лишь небольшая кучка поленьев. И распятие стояло над смоляным зевом камина, словно над разверзшейся бездной ада, где Христа, уже распятого, равно как и всех, кто молился в изображенных мастером храмах, ждали поленья судного костра.

– Лучшего места, чем здесь, над костром камина, для этого распятия не найти, – обронил граф, придав сочетанию распятия и камина приблизительно ту же символику, какую придал ей Хмельницкий.

– В самом деле, пламя камина придает этому действию некий налет иезуитства.

– Я всегда буду помнить, что это распятие мне подарил полковник Богдан-Зиновий Хмельницкий. Возможно, когда-нибудь оно станет гордостью моего «всемирного собрания Голгоф», – мрачно и совершенно не желая любезничать с гостем, произнес де Брежи, высказав только то, что подумалось. – А теперь оставим Христа наедине с его муками и присядем к столу, чтобы порассуждать о муках вполне земных, которым наши недруги подвергают нас ежедневно.

– На то они и недруги, чтобы злорадствовать, – смиренно молвил Хмельницкий.

– И все же, нам нужно серьезно поговорить, – жестом предложил де Брежи полковнику место за столом.

– Наверное, нужно, помня при этом, сколько «иудства» развелось вокруг нас, и на какие муки обречены все, кто вольно или невольно были преданы нами самими.

Несколько минут они сидели молча, думая каждый о своем. Хмельницкий ждал первых слов де Брежи. Но граф тоже ждал – момента, когда готов будет сказать сидевшему перед ним человеку то, о чем ему, вообще-то, не хотелось бы говорить сейчас.

– Извините, господин полковник, – прокашлялся посол, и, встретившись с настороженным взглядом Хмельницкого, снова перевел взгляд на пожертвованное им распятие, – но существуют реалии, о которых мало догадываться, кто-то должен высказать их вслух. Так вот, похоже, что такая участь выпала мне.

– В последние годы жизнь настолько приучила меня к плохим новостям, что я привык воспринимать их стоически.

– К тому времени, когда вы выйдете из стен этого здания, для многих в Варшаве – политиков, чиновников, военных – вы уже будете человеком, предавшим интересы Речи Посполитой, предавшим короля, идеалы шляхты и, конечно же, иезуитский орден Польши, воспитанником которого вас, выпускника иезуитского коллегиума, они считают.

Хмельницкий выпрямился, лежащие на столе руки его сжались в кулаки.

«Значит, предчувствие все-таки не подвело, – подумал он. – Польские аристократы пытаются заставить тебя смириться с тем фактом, что существуют не только сторонники короля, но и яростные противники его. И не только смириться, но и считаться с ним, а значит, сделать окончательный выбор между этими двумя лагерями. Впрочем, у тебя вообще странное чутье на всевозможные угрозы».

– Меня мало интересует, как воспринимают меня иезуиты. Хотя и понимаю, что недооценивать этот монашеский орден, как и орден Сиона, не стоит. Но кого и каким образом, черт побери, я умудрился предать во время своего французского вояжа? – жестко отстукивал он кулаком почти каждое свое слово.

– Случилось так, что, уезжая отсюда наказным атаманом наемных казаков, направленным на переговоры самим королем, вы вернулись по существу преступником.

– Кто бы мог представить себе такое? – жестко улыбнулся полковник.

– Правда, король, и – особенно – королева, насколько мне известно, пока что не склонны считать вас таковым.

– Тогда кто именно склонен так считать, граф?

– Речь пока что идет лишь о нескольких шляхетских родах, которые усиленно распускают слух о вашей измене.

– И чем же он порожден? – сдавленным голосом спросил Хмельницкий.

Почти пророческое предчувствие того, что что-то обязательно помешает ему двинуться с полками казаков во Францию, начало сбываться. Причем сбываться неожиданнейшим, дичайшим образом. Он-то считал, что помешает, главным образом, сама предгрозовая обстановка в Украине.

– Мне не хотелось бы останавливаться на подноготной всех этих варшавских слухов. Скажу только, что при дворе Владислава IV каким-то образом стало известно о вашей встрече с принцем де Конде.

– Заметьте, вы не назвали ее «тайной». Это была встреча казачьего атамана с главнокомандующим французскими войсками, без которого договариваться об участии казаков в войне на территории Франции просто невозможно.

– Возможно, я неточно выразился. Не о самой встрече как таковой, а о некоей странной беседе, о которой, признаюсь, самому мне пока что абсолютно ничего не ведомо, – с легкой укоризной уточнил граф. – Что и затрудняет для меня выяснение истины.

– Значит, вся эта придворная смута порождена всего лишь беседой с принцем де Конде, – задумчиво произнес Хмельницкий. – Странно. Понимаю, что дело не в самой беседе, состоявшейся в Париже, а в том, как ее преподнесли в Варшаве, но ведь и такой поворот событий следовало предвидеть. – И покаянно, как показалось де Брежи, замолк.

Уточнять, о какой именно беседе идет речь, а их было несколько, и что в ней вызвало столь бурную реакцию иезуитских кругов Польши полковник счел бестактным. Впрочем, он догадывался, что крамольной оказалась как раз та беседа, в которой принц, не рассчитывавший получить корону Франции, вдруг откровенно заговорил о видах на поблекшую корону Польши. Да к тому же рьяно отстаивал идеи протестантской лиги ряда западноевропейских стран и возглавляемую Францией борьбу этой лиги против католического союза во главе с Австрийской империей. Отстаивал, хотя и понимал, что главной идейной силой и главной опорой этого союза является орден иезуитов, последователей Игнация Лойолы, который в последние годы превратил католическую Польшу в свой форпост на восточных землях Европы.

Само собой разумеется, что, прослышав об этих переговорах с главнокомандующим войсками Франции, в столице Речи Посполитой неминуемо должны были занервничать и попытаться использовать слух о предательстве не только против него, Хмельницкого, но и против самого короля.

Естественно, полковник до сих пор помнил эту встречу с принцем де Конде во всех мельчайших подробностях. Слишком уж болезненно затронуло его все то, что было высказано французским главнокомандующим. Как помнил и то, что, в общем-то, они оказались единомышленниками. Если только могут считать себя единомышленниками принц, наследник короны, и главнокомандующий вооруженными силами могущественной Франции, и безвестный казачий полковник, не имеющий под своим командованием даже плохо вооруженной сотни.

На что, собственно, рассчитывал Конде? Неужели не понимал: нет и быть не может никакой уверенности, что хотя бы часть казачества поддержит какую-либо идею, взлелеянную в бунтующей душе этого украинского офицера?

Скорее из растерянности, нежели из истинного желания услышать имя доносчика, Хмельницкий спросил графа о том, о чем в любом случае спрашивать не следовало бы:

– Простите, не известно ли вам, кто именно привез в Польшу эту черную, воистину иезуитскую весть?

– Вы ответили на свой же вопрос, назвав весть «иезуитской». Но, если настаиваете, могу уточнить.

– Настаивать не смею. Решите сами, ваша светлость.

– Она была вложена в уста пребывавшего с вами представителя польского правительства майора Корецкого. Но лишь вложена. Он – всего лишь глашатай того, что хотели поведать польской иезуитской шляхте, костелу и сенату отцы могущественной, всемирной, хотя и тайной, иезуитской империи. Впрочем, почему вдруг «тайной»? Почему мы до сих пор называем ее «тайной»? Другое дело, что и принц де Конде, этот «французский Ганнибал», оказался слишком уж открытым, а значит, неосторожным, в оглашении своих намерений. Однако вашей вины, полковник, в этом нет.

– Выходит, что наш, никого ни к чему не обязывающий разговор с принцем де Конде пришелся очень кстати иезуитам?

– Не скрою, более чем кстати. В Париже агенты иезуитского ордена следили за каждым вашим шагом. Генерал братства Игнация Лойолы, его высший совет, все варшавское и краковское иезуитство крайне встревожены тем, что король Владислав IV решил помочь Франции в ее борьбе против католической Испании. Ведь если бы Испании удалось одолеть в этой войне Францию, католицизм стал бы господствующей религией в самом центре Европы.

– Следовательно, он сразу же объявил бы если не вооруженный, то, по крайней мере, миссионерский поход на восток – в Молдавию, Украину, Московию; во все те земли, где еще живет православие, а в храмах проповедуется православная греческая вера.

– Вот именно. Извините, что осмелился говорить вам то, что вы, несомненно, опытный, мудрый политик, – утверждаю это без всякой лести, – сами прекрасно знаете.

– Нет-нет, я готов выслушать вас так же внимательно, как выслушивал принца де Конде. Для меня важно знать, что думают по этому поводу политики других стран. Важно получить оценку тех сомнений и предположений, которые давным-давно одолевают меня самого.

Желание полковника выслушать его, похоже, обескуражило де Брежи. Во всяком случае, он вдруг сбился с мысли и утомительно долго молчал, испытывая терпение гостя.

– Обладая огромными богатствами, – наконец заговорил он, извлекая из шкафчика бутылку бургундского, – иезуиты внедрили своих агентов буквально во все дворы католических и прочих монархов. Причем вот что примечательно. Мы выискиваем этих агентов в основном в среде монахов и церковников, а они предстают перед нами в обличьях неприметных горничных, кучеров, виночерпиев, солдат личной охраны.

Полковнику вдруг вспомнились предостережения Лаврина Урбача, которыми тот не раз принуждал его и полковника Сирко размышлять о замыслах иезуитов, об их склонности ко всеобщему шпионажу – везде и за всеми; об агентуре, которой они буквально напичкали все европейские дворы. Как оказалось, он прав. Неплохо было бы вновь встретиться с этим сотником, который не столько враждебно настроивается против иезуитов, сколько старается учиться у них.

– Видите ли, полковник, – продолжил посол, с наслаждением потягивая крепкое вино. – Принц де Конде относится к тем военным, которые привыкли полагаться на силу оружия, на огромные массы вышколенных войск.

– Но ведь он – главнокомандующий.

– И я о том же. Он военный, командующий, но в том-то и дело, что – не при вас, профессиональном военном, – таким людям всегда следует держаться подальше от политики. Вот только принц этого не понимает. Нет-нет, его, полководца, привыкшего к сражениям, к открытым схваткам с противником, трудно винить в этом. Однако принцу давно следовало бы уяснить для себя, что многие битвы и схватки мы проигрываем вовсе не на полях битв, а в монастырских кельях, в модных столичных салонах и в бальных залах королевских дворцов. Именно там мы, политики и дипломаты, терпим самые крупные поражения.

– Справедливо, – кивнул Хмельницкий, воспринимая слова опытного дипломата и как упрек в свой адрес.

– И коль уж де Конде неведомо сие как солдату, то как политику, мечтающему если не о французском престоле – хотя от притязаний на него принц тоже не отрекся, – то, по крайней мере, о троне... – граф выдержал многозначительную паузу и внимательно всмотрелся в лицо Хмельницкого, – ... одного из государств, в частности, Польши... Словом, как политик он обязан знать об этом. Иначе какое он имеет право считать себя политиком?

* * *

Появился слуга и вновь принес вино. То самое красное вино причастия, которое теперь больше напоминало Хмельницкому вино заговорщиков, в тайной вечере коих он сейчас участвует. Бутылку же, выставленную графом, слуга поставил на поднос и унес, очевидно, решив, что она лишняя. Де Брежи лишь удивленно посмотрел ему вслед, как полунищий посетитель – вслед официанту дорогого ресторана, но остановить так и не решился.

– Конечно, король, а тем более королева, французенка и протестантка, – продолжил де Брежи, дождавшись, когда слуга оставит их одних, – попытаются поддержать вас. Но вы ведь прекрасно знаете, в какой ситуации оказался сейчас Владислав IV.

– Увы, об этом знает вся аристократическая Польша.

– Ясное дело, я постараюсь помочь вам попасть на прием к нему. И, возможно, даже встретиться с королевой, чтобы вы могли лично изложить свои взгляды на то, что произошло во Франции. Но это лучше будет сделать чуть позже.

– Тем более что монарх снова надолго уединился в своем «монашеском замке» в Кракове.

– Значит, вам это уже тоже известно...

– Еще бы! Эти уединения короля, которые становятся все продолжительнее и продолжительнее... Знал бы Владислав IV, как они подрывают веру в него, сколько ненужных, губительных слухов порождают.

– Но именно потому, что король вновь скрылся за «театральным занавесом», вам тоже следует на время исчезнуть.

– И тем самым вызвать еще большие подозрения?

– Такой риск тоже существует. Но когда речь идет о вашей личной безопасности, о вашей голове...

– Никакой суд не сможет доказать, что в моих переговорах с принцем де Конде всплыло что-либо такое, что угрожало бы польскому трону.

Де Брежи отпил немного вина, поморщился, давая понять, что бургундское нравилось ему куда больше, и поставил бокал на стол.

– Согласен, суд вряд ли сумеет предъявить вам какое-либо обвинение, – лукаво ухмыльнулся он. – Не понимаю только, почему вы решили, что ваши враги станут доводить дело до суда?

Их взгляды скрестились, как внезапно выхваченные татарские сабли, порождая искры восточного коварства.

– Мне следовало предусмотреть и такую возможность, – согласился полковник.

– Пока ее все еще не поздно предусмотреть. Советую вам немедленно уехать из Варшавы. Нет, действительно, почему бы и вам тоже не уединиться где-нибудь в глубине Украины? Или же сразу...

– ... Отправиться во Францию? – мрачно улыбнулся Хмельницкий. – Дабы тем самым окончательно подтвердить все слухи и предположения иезуитов и моих личных недругов?

– Знаю, что в любом случае вы выберете Украину. Однако я не был бы послом дружественного Украине государства, если бы не заверил, что Франция не откажет вам в желании послужить на ее полях и терниях. Пусть даже с явной пользой для Украины, а значит, в ущерб польской короне.

– Давайте исходить из того, что мне следует уехать в Украину.

– И какое-то время выждать. Обязательно выждать. Пока вы будете оставаться в Польше, иезуиты предпримут все возможное, чтобы не допустить вашей аудиенции у короля. Причем не допустить любой ценой. Надеюсь, вы понимаете, что я имею в виду?

– Вы ведь не забыли, что я тоже являюсь воспитанником иезуитского коллегия?

– Святая Мария! – оживился посол. – Постоянно забываю об этом факте, что для меня совершенно непростительно.

– Ничего удивительного. Помнить об этом столь же трудно, как и верить этому.

– А знаете, возможно, ваше «иезуитство» вас и спасет. Вдруг иезуиты не станут спешить, а сначала попытаются вернуть вас в лоно своего братства?

– Иезуитского братства, – мрачно подчеркнул Хмельницкий. – К своей чести, членом сего богоугодного ордена я никогда не был.

– Но ведь вы нужны им не в ипостаси монаха; братии у них всегда хватало. Сейчас им позарез нужны полководцы и державные мужи.

8

Речной каньон казался огромным разломом самой тверди земной, и клубы утреннего тумана, зарождавшиеся между отвесными скалами, превращали его в бурлящую преисподню, ни огнедышащий жар, ни клочкотание которой не достигали, однако, стен Шварценгрюндена.

С тех пор как графиня де Ляфер вернулась в свой родовой замок, она почти каждое утро поднималась на высокую угловую башню, которую обитатели Шварценгрюндена издревле называли Посольской. С одной стороны со смотровой площадки башни Диане открывалась дорога, ведущая к подъемному мосту, с другой – заливные луга на том берегу реки, окаймленные усадьбами небольшой деревушки.

Обитатели замка обратили внимание, что графиня обычно подолгу стоит на этой площадке, словно кого-то терпеливо высматривает или же вновь надолго прощается с родными местами. Однако шли дни за днями, а у ворот замка никто не появлялся. Село по ту сторону реки тоже жило своей неприметной для постороннего утренней жизнью: размеренной, провинциальному неспешной, оглашаемой разве что криками петухов да гоготанием гусиных стай, копошащихся в узких речных затонах.

И вдруг:

– Госпожа графиня, всадники! – вырвал Диану из созерцательного забытья голос Кара-Батыра.

Она взглянула на дорогу. Присмотрелась к полуразрушенной часовне, едва вырисовывающейся в утреннем тумане на самом краю замковой возвышенности; к сторожевым башням по ту сторону обводного рва... Но так никого и не заметила.

– Где они?! – нагнулась графиня так, чтобы видеть татарина. Он всегда стоял на нижней боевой площадке, давая возможность графине оставаться на открытой сигнальной площадке одной.

– Вон там! Слева! Они почему-то избрали не дорогу, а тропу, ведущую от имения, которое мы купили для князя Одара!

– Так прикажи привратникам выяснить, почему они предпочитают пробираться по тропе.

– Я мигом. Только, во имя аллаха, когда они приблизятся к подъемному мосту, не выглядывайте из бойницы.

– По-твоему, каждый, кто появляется в окрестностях Шварценгрюндена, обязательно должен продемонстрировать свою меткость, целясь в бедную графиню?

– Почему каждый? Достаточно одного-единственного подлого выстрела.

Графиня прислушалась к гулким шагам татарина, когда тот спускался по каменным ступеням башни. В душе она, конечно, понимала его тревогу, но предпочитала вести себя легкомысленно, поскольку так представлялось легче, удобнее.

Слишком свежи были воспоминания того, как на второй же день после ее возвращения из Польши здесь, на этой дороге, из того кустарника, что за часовней, раздались два выстрела. Первая пуля чуть не обожгла ей плечо, вторая смертельно ранила коня. Ранила уже тогда, когда Диана пустила его в галоп, пытаясь скрыться на противоположном склоне возвышенности.

Покушавшийся, очевидно, не догадывался, что следовавший за ней слуга – вовсе не слуга в обычном понимании этого слова, а опытный воин. Татарин выстрелил на звук и, как оказалось, ранил нападавшего в предплечье. Тот пытался спастись, убегая по крутому, поросшему кустарником склону. Внизу, у реки, его ждал конь, и, казалось, уже никто не в состоянии был достичь его...

Однако наемник и предположить не мог, что слуга-всадник решится преследовать его по такой убийственной крутизне. И вряд ли сумел понять, что произошло, когда, уже с оступившегося коня Кара-Батыр сумел метнуть аркан, а затем, в каком-то невероятном прыжке, пролетев над россыпью кустарников, бросился ему на спину.

Так, втроем – татарин, конь и заарканенный, гибнущий от удушья наемный убийца, они и падали вниз. Зацепившись привязанной к седлу веревкой за ствол дерева, конь едва удержался у кустарника, чтобы не свалиться в расщелину. Он-то задержался, но для наемника наклоненный ствол дерева превратился почти в идеальную, Божьей милостью сотворенную виселицу.

Когда Кара-Батыр освободил его из петли и попытался привести в чувство, то сумел расслышать совершенно непонятные ему слова: «Орден жив. Отныне и вовеки!», которые наемник повторил дважды.

Поняв, что тот больше ничего не скажет, Кара-Батыр перерезал ему горло. Приподняв голову убитого за волосы, он «очистил» нож, а затем и саблю, его кровью – кровью еще одного поверженного им врага.

С большим трудом выведя коня наверх, он швырнул саблю с запекшимися бурными пятнами на клинке к ногам уже пришедшей в себя, отдыхающей у часовни графини де Ляфер.

– Вы отмщены, графиня-улан. Это было долгом моей чести – отомстить за минуты пережитого вами страха.

– И кто же он – этот негодяй?

– Имени своего он не назвал. Единственное, что успел сказать – «Орден жив. Отныне и вовеки».

– Он имел в виду орден иезуитов?

– Этот неверный сказал только то, что я уже повторил вам, графиня. Судя по одежде и вот этому медальону, наемник принадлежал к благородному сословию.

– Наемный убийца, если он действительно наемный, не может принадлежать к благородному сословию.

– Я запомню ваши слова, графиня.

– И еще в одном ты не прав, Кара-Батыр: этот негодяй нужен был мне живым. Ох, как много он мог бы поведать нам обоим. Значительно больше, чем эта окровавленная сталь, пусть даже принадлежащая твоей рыцарской сабле. – Графиня взглянула на статую Божьей матери с младенцем у закрытой двери часовни, словно давала понять, что во всем, что произошло, есть и часть ее, божественной, вины. – Так говоришь, этот христопродавец произнес: «Орден жив. Отныне и вовеки»? Похоже на девиз, а?

– Я действительно не прав. Надо было попытаться захватить его живым, – угрюмо признал воин. – Но есть человек, который все еще жив. И который, прежде чем я перережу ему горло, точно так же, как этому наемному убийце, еще сможет кое-что рассказать нам об этом странном случае.

Графиня удивленно смотрела на татарина и ждала, когда тот назовет имя. Однако крымчак почему-то не спешил открывать его.

– Ты имеешь в виду шевалье де Куньяра? – наконец догадалась она.

– Вы сами назвали его имя, графиня. А, назвав, тем самым разрешили привести шевалье сюда, на этот склон, и заставить опознать убитого.

– Так приведи же его, и пусть опознает, – сурово подтвердила графиня.

– Клянусь Аллахом, он опознает убитого, даже если никогда раньше не видел этого человека в лицо, – проскрипел зубами татарин.

9

Прошло около часа. Поездка в имение Рандье, которое, как она узнала, его владелица готова была продать, отменялась. Графиня грелась у камина, с холодным ужасом думая о том, что, сложись ее судьба иначе, сейчас она лежала бы на каменном одре замковой часовни, с которого проведены в последний путь десятки ее предков.

Дверь открылась, но Диана продолжала сидеть, склонившись над огнем, казавшимся ей самым достоверным свидетельством того, что она все еще не в холодных объятиях смерти.

– Ну и как вы чувствовали себя в Гефсиманском саду¹³ замка Шварценгрюнден, мой преданнейший управитель? – спросила она, все еще не отрывая взгляда от огня и даже не удосужившись убедиться, действительно ли порог переступил шевалье де Куньяр.

– Испепели меня молния святого Стефания, если мне приходилось когда-либо видеть этого мерзавца, – слова из мощной глотки управителя прорывались с таким грохотом, словно порождались камнепадом, лавина которого сметала все заградительные гати.

– Он обязательно испепелит вас, шевалье. Всему свое время. А пока объясните мне значение слов, которые произнес этот человек. Помнится, там что-то говорилось об ордене, который «отныне и вовеки...». Наверное, убийца имел в виду рыцарский орден?

– Конечно же, рыцарский, испепели меня молния святого Стефания. Вот только, что бы эти слова могли значить – над этим еще следует подумать.

– Это все, что вы способны сообщить мне?

– Потому что это все, что мне известно.

– О каком именно ордене шла речь? – Графиня поднялась и приблизилась к шевалье. В комнате было достаточно светло, однако все лицо де Куньяра так густо поросло длинными рыжеватыми волосами, что никакие, даже самые сильные, чувства открыться на нем постороннему уже не могли. – Уж не об ордене ли тамплиеров, мой правдолюбивый управитель замка?

– Да хоть бы и тамплиеров. Перед смертью человек обычно вспоминает о том, что ему по-настоящему дорого.

– Значит, он действительно возрождается – этот гнуснейший из орденов?

– Чем он хуже других монашеских братств, которых ни один папа римский так до сих пор и не удосужился упразднить? – пожал плечами де Куньяр. – И не ваши ли предки, графиня, были среди основателей ордена «бедных рыцарей Христовых»? Разве не воины из рода баронов Шварценгрюнденов, кровь которого течет и в наших жилах, водили в крестовые походы местных рыцарей и знатных мужей? Так что испепели меня молния святого Стефания!..

– Вот оно что... – графиня прошла по комнате и вновь остановилась у камина. Поленья оказались сыроватыми, поэтому огонь едва тлел, очерняя чистоту пламени жадным дымом. – Следует понимать так, что, пока я находилась в дальних землях, в стенах замка возрождались духи и идеи предков? Надеюсь, они еще не достигли святого святых замка – тайного «зала для посвященных»?

Шевалье невозмутимо стоял посреди комнаты, никак не реагируя на слова Дианы, словно бы не расслышал их.

– Каждый свой вопрос я должна повторять?

– Тайного «зала для посвященных» – пока еще не достигли, хотя...

---

¹³ Сад в окрестностях Иерусалима, в котором, согласно евангелической легенде, Христос провел свою последнюю ночь перед распятием.

- ... Хотя тени рыцарей-тамплиеров все же бродили по башням замка?
- Пока не стал бы называть их теньями. Они все еще звенят шпорами и блистают доспехами.
- Понятнее выражайтесь, шевалье де Куньяр, понятнее.
- Извините, что сразу же не доложил вам. Считал, что это не должно так уж интересоваться вас.
- Меня интересует все, что касается моего личного престижа и репутации цитадели Шварценгрюнденов-Ляферов. Я не желаю, чтобы из-за сумасбродства нескольких залетных бродяг замок Шварценгрюнден представлял в глазах королевы и церкви в образе гнезда еретиков, восставших против воли Ватикана.
- Согласен, это серьезные обвинения.
- Так назовете вы наконец имя?! – рявкнул над ухом шевалье Кара-Батыр, который все это время стоял за спиной де Куньяра, держа одну руку на эфесе сабли, другую – на рукояти ножа.
- Случилось так, что однажды в замке неожиданно объявился граф Артур де Моле.
- Граф де Моле?! – почти воскликнула Диана. – Вы сказали: «Граф де Моле»?! Он что, имеет какое-то отношение ко всему тому, что происходило?..
- Самое непосредственное, поскольку является потомком последнего Великого магистра ордена тамплиеров преподобного Жака де Моле, сожженного в 1307 году по приговору инквизиции. Именно после суда над ним и несколькими высшими сановниками ордена «бедных рыцарей Христовых», папа римский Климент V издал указ о «навечном упразднении его», мотивируя свое решение тем, что, мол, душами рыцарей завладел сатана.
- Вот уж на кого легко списать все, что угодно!
- Совершенно с вами согласен, однако, если я ничего не напутал, все происходило именно так, испепели меня молния святого Стефания!
- Не нужно посвящать меня в историю ордена, господин шевалье. Я достаточно хорошо знакома с родословной замка. Но до сих пор считалось, что у Жака де Моле не осталось прямых наследников.
- Господин Артур де Моле прибыл из Швейцарии, где длительное время скрывались его предки, а теперь нашел приют и он сам.
- И что же он искал в замке Шварценгрюнден? Даже если допустить, что он в самом деле граф де Моле и имеет какое-то отношение к праху Великого магистра?
- Убеждает, что намеревался поклониться местам, связанным с основанием ордена.
- Но почему для поклонения предкам он и его единомышленники избрали именно мой замок?
- Очевидно, потому, что для потомков тамплиеров Шварценгрюнден – то же самое, что для мусульман Мекка.
- Помолиться и только? Вы чего-то недоговариваете, шевалье. Вы чего-то явно не договариваете. Мне трудно будет смириться с тем, что управителем замка остается человек, позволяющий себе чего-либо не договаривать бедной графине-изгнаннице.
- Лишь после этого угрожающего предостережения шевалье де Куньяр все же уточнил, что в действительности де Моле побывал в замке не один, а с маркизом д'Атьеном, ведущим свою родословную от великого инквизитора Франции Гийома де Ногаре, который, собственно, и отправил на богоугодный костер Великого магистра ордена.
- Потомок Великого магистра и потомок великого инквизитора Франции вместе восстанавливают орден тамплиеров?! – искренне удивилась Диана. – Историк сойдут с ума, пытаясь уловить хоть какую-то долю естественности в этом совершенно неестественно, сатанинском союзе.
- Но каким-то же образом он все-таки сложился, – смиренно напомнил ей шевалье.

В последние годы графине было не до истории ордена «бедных рыцарей Христовых», она и вспомнить не могла, когда сама в последний раз навещалась в тайный «зал для посвященных». А тут вдруг сразу две зловещие тени, словно бы возродившиеся из вечности небытия.

Но Диана знала: если такие тени и возрождаются, то вовсе не для того, чтобы сентиментально повздыхать в местах, где священнодействовали их предки. И уж тем более не для излияния чувств потомка Великого магистра потомку великого инквизитора, то есть своего потомственного врага. Следовательно, что-то здесь не то, не то... Неужели шевалье де Куньяр вновь чего-то не договаривает?

* * *

Однако с воспоминаниями пора было кончать.

Глядя, как шевалье де Куньяр, которого, по приказанию Кара-Батыра, разыскал один из стражников, лично вышел на опущенный подъемный мост, чтобы встретить гостей, Диана де Ляфер постепенно возвращалась ко дню сегодняшнему. Он не обещал быть особенно радостным. Впрочем, как и слишком грустным. Скорее всего так и останется в ее памяти еще одним безликим, серым, а значит, будничным.

Именно из-за этой серости пребывание в замке уже начинало тяготить графиню. Как-то ее мать призналась, что, оказываясь вне стен Шварценгрюндена, она почему-то чувствует себя неуютно и до ужаса незащищенно. Ее одолевал страх, который способен испытывать разве что человек, долгое время прятаящийся от своих врагов в густом лесу, а теперь вдруг оказавшийся посреди огромного чистого поля, где негде укрыться, не на что надеяться и даже невозможно развести огонь, чтобы согреться и приготовить пищу.

Вне крепостных стен замка мать чувствовала себя незащищенной – вот что яснее всего вспомнилось сейчас Диане. И графиня поняла, что лично она утратила это ощущение защищенности и уюта. Наоборот, ограниченность замковых комнат и башен угнетает ее, как узника – тюремное подземелье.

«Ты слишком долго пробыла в степи, в поле, вне всяких стен, – сказала она себе, всматриваясь в фигуры двух благородных воинов, спешившихся уже по эту сторону ворот и отдавших коней слугам. – Привыкла преодолевать огромные расстояния, постоянно ощущать опасность, жить в ожидании перемен. А посему похоже, что, как владелица вы, графиня де Ляфер, для замка Шварценгрюнден уже утрачены».

10

Поздно вечером в карете, раздобытой для него людьми де Брежи, Богдан Хмельницкий добрался до предместья Варшавы. Там, в одном из заезжих дворов, его ожидали трое казаков во главе с сотником Мисюрой, прискакавших вчера из-под Львова, чтобы сообщить, что полторы тысячи охочих запорожцев и казаков, выписанных из реестра¹⁴, готовы к походу во Францию.

Полковника не удивило, что у них уже были свежие кони, деньги на дорогу, а к седлам предусмотрительно пристегнуты сумы с едой, которых четверым путникам должно было хватить на пять дней. Ровно столько, сколько нужно, чтобы со всеми предосторожностями выйти за пределы Польши, о чем тоже позаботились люди де Брежи.

---

¹⁴ В те времена «выписка из состава реестрового казачества», то есть из «реестра», означала то же самое, что сегодня означает отчисление из рядов Вооруженных сил. Такой казак лишался государственного содержания и всякой формы поддержки, оказываясь предоставленным самому себе.

При этом сотник убеждал его, что, хотя далеко не все отобранные вербовщиками казаки побывали в настоящих сражениях, однако среди них нет ни одного плохо обученного новичка. Как нет и ни одного серьезно больного – всех уже осмотрели два французских лекаря. То есть сотник был уверен, что с таким полком хоть сегодня можно было вступить в бой.

Единственное, чего по-настоящему опасался Мисюра, – как бы этот бой казакам не пришлось принимать еще на территории Польши, прежде чем они достигнут портового Гданьска. Слишком уж нервно будут воспринимать появление целого казачьего полка польские аристократы тех земель, через которые ему придется проходить.

– Никто здесь мной не интересовался? – спросил Хмельницкий казаков, проверяя их готовность к дальней дороге.

– Спрашивать не спрашивал, – ответил седоусый казак, который был у них за старшего. – Но вертелся здесь один. Гусары, что привезли эти сумы, приказали ему убраться. И, кажется, силой увезли отсюда.

– Увезти-то они увезли. Да надолго ли? – подключился к разговору второй казак – старый рубака с рассеченным ухом.

– Ненадолго, это уж точно, – признал полковник, приказывая казакам трогаться в путь.

«Да, вояке де Конде придется еще очень многое постигать в политике, – с легкой горечью подумал он о человеке, который своей неосторожностью и своими амбициями так неожиданно ломал ему карьеру и перепахивал всю его судьбу. – Как, впрочем, и тебе самому».

– Ты говорил о людях, которые еще во Львове снаряжали тебя и твоих казаков в дорогу, – обратился полковник к Мисюре, когда они покинули заезжий двор. – И даже немного проводили вас. Кто были эти люди: воины, монахи, местные французские дворяне?

– Монахи, но очень уж воинственные с виду.

– Из тех, что привыкли креститься кинжалами, – уточнил Хмельницкий.

Оставляя ночью Варшаву, полковник еще не знал, что его уже разыскивают, чтобы арестовать и казнить. Что в Чигирин снаряжены гонцы, которые должны были доставить местному старосте приказ коронного гетмана о сожжении родового поместья Хмельницкого как изменника Речи Посполитой. Он еще не знал и даже предположить не мог, что, в конце концов, ему все же удастся вернуться в Варшаву и добиться аудиенции короля. Удастся выиграть эту первую серьезную схватку с коронным гетманом Николаем Потоцким и орденом иезуитов.

Впрочем, не знал и знать не мог Хмельницкий и того, что в ближайшем будущем его ждут куда более серьезные победы и поражения. Что впереди – слава полководца и дипломата, булава гетмана всея Украины и мудрость вождя восставшего народа; Переяславская рада «воссоединителей» и предательское отступничество русского царя, еще при его, гетмана, жизни нарушившего все без исключения пункты договора о воссоединении Украины с Россией.

Но для того, чтобы все это произошло, Хмельницкому нужно было пройти через эту сырую, окутывавшую Польшу (перед которой у него как у воина уже было немало заслуг) тревожную ночь: ночь клеветы и предательства, ночь бегства и веры в святость задуманного им.

Вторые сутки над Южной Польшей бушевал почти ураганный ветер, и небеса низвергали на землю холодные ливневые потоки, которые с одинаковой жадностью затапливали долины, поля, низинные леса и вконец разбитые дороги.

– Так, вот он, оказывается, каков, этот второй Всемирный потоп, которым нас так долго пугали! – не унывал д'Артаньян, решивший отправиться в путешествие вместе с Гяуром. – Если уж нам действительно суждено стать его свидетелями, то, клянусь пером на шляпе гасконца, мы ими уже стали. Наша карета – последний ковчег, который все еще не канул в ливневую бездну и даже куда-то движется.

Четверка лошадей с трудом вытащила карету из очередного болотного провала, которое когда-то звалось перекрестком дорог, и кучер свернул поближе к перелеску, дабы под кронами деревьев пробиваться по траве и размытым кочкам. Уже несколько раз он предлагал остановиться под густой кроной какого-нибудь клена или дуба, чтобы переждать это библейское низвержение вод. Однако князь Одар-Гяур упрямо стоял на своем: «Вперед, вперед! Никаких остановок! У нас нет времени для того, чтобы творить молитвы».

– И дело тут не столько во времени, сколько в бессмысленности самих молитв, – заметил д'Артаньян после очередной стычки Гяура с кучером. – Эта дорога ведет прямо в Иордан. И свернуть с нее невозможно, клянусь пером на шляпе гасконца.

Только третий пассажир этой кареты, Хозар, оставался мрачно невозмутимым. Ни дождь, ни безбожная тряска, ни царящая в карете пронизывающая сырость ничуть не раздражали его. Ротмистр воспринимал весь этот мир таким, каков он есть: безалаберно тягостным, кроваво страшным и впроголодь молящимся. Не пытаюсь ничего ни изменить в нем, ни улучшить, ни даже роптать по поводу его несовершенства.

В мире существовали только две вещи, которые иногда достигали неких глубин его невозмутимой, гипнотически дремлющей души: молитвы и голод. Молитвы – потому что вид молящегося или хотя бы крестящегося мужчины, особенно воина, вызывал в нем презрительную ярость. Мужчина, считал он, не должен снисходить до молитв, это слишком унижительно. А голод – потому что он оставался неистребимым спутником Хозара во всех его поездках, походах и постоянных передышках. Ротмистр способен был поглощать огромное количество пищи, но полусытым чувствовал себя лишь до тех пор, пока продолжал поглощать ее. Дальше снова наступало тоскливое чувство голода, которое сопровождало его всю жизнь, от самой колыбели, и, в чем Хозар нисколько не сомневался, будет сопровождать до смертного одра. Правда, он давно научился претерпевать его, но тоже через мучения.

Сейчас Хозар сидел напротив Гяура и д'Артаньяна, за низенькой перегородочкой, и левая рука его постоянно покоилась на свисающей рядом с ним на сиденье сумке с целым набором пистолетов. Еще два заряженных пистолета лежали справа от него. Ротмистр хватался за них всякий раз, как только сквозь стенки кареты и шум дождя пробивался человеческий голос, скрип повозки или любой другой подозрительный шум.

Хозар был прирожденным телохранителем. Он не доверял никому, нигде и никогда. Его так же невозможно было разжалобить, как и усыпить его бдительность. Этот русич признавал и полагался только на оружие, на свою суровую, почти отрешенную подозрительность – и снова на оружие.

Поэтому, когда Хозар услышал громкое, басистое: «Эй, стой! Стой!», – он, прежде всего, схватился за пистолеты и лишь после этого стволом одного из них приоткрыл дверцу.

– Нельзя туда, нельзя! – предупреждал кучер некогда роскошной встречной кареты, облепленной грязью так, словно вся она была сотворена теперь из лесного глинозема. – Там река вздыбилась и разрушила мост! Мы еле успели проскочить! Считайте, что какая-то божественная сила перенесла нас через этот чертов водопад!

– Ну, нельзя, так нельзя, – утихомирил его Хозар. – Что кричишь, словно под петлей палача?

– Так ведь нельзя туда! – не воспринимал его спокойствия кучер.

– Кто у тебя в карете?! – громко спросил Гяур, ступив на подножку.

– Пан Марчевский! Местный подстароста!

– Да-да, господа! – дверца открылась, однако самого господина Марчевского они так и не увидели. – Поворачивайте! Не время сейчас, не время!

– И все же нам нужно попасть на ту сторону реки! Как это сделать?!

– По этому мосту, господа, можно попасть только к ксендзу на поминки!

– Вот теперь дошло, – сдался Хозар.

– В таком случае кто мне скажет: есть в этой стране хотя бы один дорожный трактир?! – кончилось терпение д'Артаньяна. – Клянусь пером на шляпе гасконца: разбогатею, я специально приеду в эти края, чтобы возвести двадцать заезжих дворов, при каждом из которых будет красоваться трактир.

– Теперь осталось только разбогатеть, лейтенант, – осадил его князь.

– Но в пяти верстах, прошу пана, есть еще один мост! Каменный! – вмешался в их сумбурный разговор кучер.

– Да?! Что ж ты молчал?! Где он?! Как туда добраться?! – набросился на него Гяур.

– Он высокий и каменный! Его не должно было снести! Говорят, он – единственный в здешних краях, который еще никогда не сносило!

– Я спрашиваю, как до него добраться, гнев Перуна!

– Нужно еще немного проехать, до перекрестка! Дорога сворачивает вправо и ведет через лес. Еще две версты – и она выведет вас прямо к мосту, а от него – к хутору Ратоборово. Там, в графском имении, вы сможете отдохнуть и даже заночевать! Оно начинается прямо за мостом.

– Ратоборово?! – заинтригованно переспросил Гяур.

– Да-да, вы не ослышались.

– Ратоборово... Странно, – задумчиво и почти растерянно проговорил князь и, поблагодарив господина Марчевского и кучера, приказал двигаться к имению. – Где-то я уже слышал название этого хутора, – пробормотал Гяур, закрывая дверцу, – где-то слышал.

– Не следовало бы ехать сейчас через лес, – пророкотал Хозар своим вечно охрипшим и тем не менее громохочущим каким-то голосом. – Дело идет к ночи, а до имения – две версты лесом.

Гяур промолчал. Ему и в голову не пришло заподозрить Хозара в трусости. Понятно, что ротмистр всего лишь предупреждал. Как всегда в таких случаях – предупреждал. И на угрюмое молчание полковника мог ответить столь же угрюмым и нерушимым, как каменный мост над взбесившейся рекой, молчанием.

12

Дорога, ведущая через лес, пролегла по каменистому взгорью, кони здесь пошли легче, а патриаршие кроны деревьев глушили порывы ветра, делая этот предпотопный лесной мир более уютным и жизнелюбивым.

Расплескав все свои гасконские эмоции, д'Артаньян задремал, прислонившись к подушечке в углу кареты; Хозар тоже освящал все вокруг себя таинством вещего молчания. Даже ямщик перестал кричать на лошадей и беспрестанно браниться, и теперь ничто не мешало Гяуру еще раз обдумать все то, что произошло в Варшаве. Попытаться понять и осмыслить.

Отказ Хмельницкого от похода во Францию. Бледность на лице графа де Брежи, когда он вернулся в зал после разговора с принесшим какую-то не очень желательную вест секретарем. Последовавшая вслед за этим беседа один на один с Хмельницким. И, наконец, тайное исчезновение полковника из Варшавы. Он уехал ночью, не предупредив своих спутников, в сопровождении, как сказал ему Сирко, лишь троих казаков-гонимых из-под Львова. При этом Хмельницкий почему-то не встретился даже с Сирко, человеком, которому доверял, как самому себе.

Да что там, Сирко и узнал-то о его отъезде лишь со слов личного секретаря французского посла Пьера Шевалье, когда на следующее утро попытался разыскать следы Хмельницкого.

– Главное, не следует воспринимать отъезд господина генерального писаря как бегство, – счел необходимым подчеркнуть секретарь то, что ему велено было подчеркнуть в беседе с любым казачьим офицером самим графом де Брежи. – Наоборот, вам следует утверждать, что господину полковнику настоятельно посоветовали оставить на время Варшаву. Причем совет этот исходил из двора его величества, так что Хмельницкий всего лишь прислушался к мудрому совету.

– Господи, да кто в столице Польши станет интересоваться отъездом какого-то казачьего полковника?

– Еще как станут! Поэтому объясняйте, что Хмельницкий вынужден был прислушаться к этому совету, учитывая обстоятельства, которые сложились сейчас в Варшаве. Ничего не поделаешь, по-ли-ти-ка! Речи Посполитой просто-таки суждено погрязать то в европейской политике, то в азиатской политике.

– Нет, ты слышишь, князь, он говорит мне: «Политика!» – возмутился потом Сирко, пересказывая Гяуру эту встречу. – Осрамили первую саблю Украины какой-то придворной «тухлятиной», выгнали из столицы дипломата, которого еще недавно принимал Париж, и все это у них называется «политикой»!

«По-ли-ти-ка! – только сейчас по-настоящему понял возмущение Сирко князь Гяур. – Этого секретарь мог бы и не добавлять. К черту такая политика, когда король решает одно, сенат – другое, высокопоставленная шляхта – третье, а народ, не чувствуя заступничества ни одних, ни других, ни третьих, живет, как только способен выжить. Судя по всему, эта восточная иезуитская империя уже обречена на гибель. Причем долгую и мучительную».

Да и не может быть иначе в государстве, пытающемся столь долго огнем и мечом удерживать под своей короной такие разные земли и народы, как литовцы, украинцы, белые русы; как часть земель московитов, – рассуждал Гяур. Редко какой империи вообще удавалось захватить в свою неумную пасть территорию, втрое большую, чем сама метрополия. Польше это, правда, на какое-то время удалось. Но захватив территории, их еще нужно было раздробить и проглотить. То, что происходит сейчас в Польше, похоже на имперское пережевывание с запиванием кровью, но оно все явственнее переходит в конвульсии.

«А ведь рассуждаешь ты сейчас не как потомок великих киевских князей, для которых империя казалась единственным мыслимым способом существования их «киевского стола», а как потомок повергнутого в рабство мелкого князька, люто возненавидевшего всех могущественных соседей, все существующие на Земле империи, – высек сам себя Гяур. – К лицу ли тебе это, великий князь Одар-Гяур? Разве не великая могучая империя – конечная цель правления любого уважающего себя правителя?!»

Внимание, которое оказывали полковнику в Париже, – поспешно вернулся он к случаю с Хмельницким, – тот интерес, что проявляли к нему самые различные силы, кое-кого в Варшаве насторожили и даже оскорбили. Они не могли допустить, чтобы в Украине появился деятель с европейской известностью, деятель, с которым можно поддерживать отношения. Если попытку добиться независимости Украины предпримет именно такой политик, Европа отнесется к этому вовсе не с тем холодным безразличием, с которым она воспринимала все крестьянские восстания и волнения, происходившие до сих пор.

Но в таком случае, размышлял князь, прислушиваясь к скрипу колес, ревматическому потрескиванию кареты и нависающих над ней сосновых крон, у коронного гетмана Потоцкого и его единомышленников нет иного выхода, кроме как убрать Хмельницкого не только с политической арены, но и из жизни. Ибо, в свою очередь, у Хмельницкого нет сейчас иного решения, кроме как подаваться на Сечь и поднимать казаков на восстание. А то и создавать

где-то рядом с Сечью, на вольных землях Дикого Поля, свою собственную армию, попытавшись использовать при этом войска крымского хана и, если не поддержку, то, по крайней мере, нейтралитет, спасительное безучастие Высокой Порты.

Вот тут-то Хмельницкому и понадобится моя помощь – подданного Османской империи, владеющего турецким языком, знающего нравы Стамбула и его высокородных обитателей. Да и военная помощь – тоже. В подобном деле каждая сотня сабель – на вес победы. Но если действительно все складывается именно таким образом... Имею ли я в таком случае право отбывать вместе с казаками во Францию? И я, и полковник Сирко? Где мы будем в такое время нужнее? Встретиться бы с Хмельницким! Тогда многое бы прояснилось.

«И, прежде всего, прояснилось бы, что тебя, князь, польские шляхтичи решили убрать вслед за этим казачьим полковником, – саркастически улыбнулся Гяур. – А может быть, и раньше. Ведь тебе уже не раз намекали, что при польском дворе встревожены появлением в близком окружении Хмельницкого невесть откуда появившегося высокородного князя-русича, уже самым происхождением своим подталкивавшего казаков к мысли о возрождении Киевской великокняжеской державы. Пусть даже об очень призрачной, – теперь, побывав в Украине и Польше, князь понимал это намного очевиднее, нежели пребывая за их рубежами, – возможности ее возрождения.

13

... А по-настоящему прервал раздумья князя испуганный крик кучера. Тот колотил рукой в стенку кареты и с неистовым отчаянием кричал:

– Нас догоняют всадники! Благородные панове, нас уже почти догоняют!

– Хозар, выясни, кто это решил составить нам эскорт! – с трудом возвращался к реалиям бытия Гяур.

Однако предупредить Хозара не нужно было. Он и так уже открыл дверцу, с пистолетом в руке выглянул из кареты и, увидев, что тройка всадников все еще метрах в ста от них, успел растыкать по запасному пистолету своим спутникам. Еще два пистолета, из той сумки, которая висела возле него, он сунул себе за пояс.

Гяур не раз отмечал про себя, что в могучей руке Хозара пистолет не то что не дергается, но даже не вздрагивает. И стрелял он всегда с поразительной меткостью. Вот и теперь гадание его телохранителя на пистолетах как-то сразу успокоило молодого князя.

– Сколько их? – поинтересовался он у кучера.

– Кажется, трое.

– Всего лишь трое?!

– Всего лишь, – подтвердил Хозар. – И дай-то Бог, чтобы так оно и было. Нет, вон еще один, четвертый. Чуть-чуть поотстал.

– Наконец-то и у бродячего мушкетера появится хоть какое-то занятие, – приободрился доселе безмятежно дремавший д'Артаньян. – Разве что эти всадники всего лишь хотят присоединиться к нашей кавалькаде, дабы скрасить время утомительного пути?

Только теперь Гяур обратил внимание, что дождь немного поутих и небо слегка прояснилось. Самое время было остановить карету и выйти погулять, подышать пропитанным влагой воздухом летнего леса, но...

Дорога сворачивала влево, и, улучив момент, когда карета оказалась скрытой от глаз всадников, Хозар выскочил из нее и бросился в кустарник. В ту же минуту Гяур приказал кучеру остановиться. Воспользовавшись этим, д'Артаньян мигом пересел на коня и отъехал в сторону от дороги. Таким образом в карете остался лишь полковник.

– Эй, ты что, ослеп?! Мы уже несколько верст гонимся за вами! – еще издали крикнул кучеру всадник, ехавший во главе группы. – Или вздернуть тебя на сосне, чтобы ты обсох и начал лучше видеть и слышать?

– Но я действительно не видел вас! Дождь, – довольно спокойно ответил кучер, удивляя этим Гяура. Ведь всего несколько минут назад он, казалось, пребывал в страхе и панике. – А еще, панове, хотелось бы знать, кто вы такие.

– Надворные казаки¹⁵ мы, из охраны графа Кремпинского. Правда, здесь, в Польше, нас еще нередко называют «гайдуками». Э-э, смотрите, он еще и за саблю хватается!

– У меня в руках не только сабля, но и пистолет, – все также спокойно предупредил кучер. И Гяур не сдержался, чтобы не выглянуть из кареты. До сих пор он даже не предполагал, что их изошренный в ругани кучер умудрился припрятать где-то там, в козлах, хоть какое-то оружие.

– Тогда мы посадим тебя на кол, поскольку оружие в руках извозчика!..

– С этим у вас обязательно возникнут трудности. Поскольку мне, поручику гусар личной гвардии коронного гетмана из хоругви охраны короля, оно, оружие это, положено по чину и статусу! – упредил его кучер.

«Поручик?! – мысленно изумился Гяур не меньше, чем услышавшие это гайдуки. – Вот оно в чем дело! Значит, и в этом путешествии королевский двор не оставил меня без своих глаз и ушей!».

– И прошу обращаться ко мне, как положено обращаться к дворянину.

– Но дворянин не может править вместо кучера! – с вызовом ответил старший гайдук. – Ибо, взявшись за вожжи, перестает быть дворянином.

– Если ты будешь много рассуждать, я усажу на свое место тебя, холуй пана Кремпинского!

Очевидно, поручик сказал то, что разъяренный гайдук из охраны поместья графа простить ему, кучеру, уже не мог. Он с ходу пытался срубить его саблём, но клинок наскочил на клинок поручика, и сразу же прогремел выстрел.

– Стойте! Прекратите стрельбу! – закричал тот, четвертый, что поотстал от гайдуцкого разъезда. – Вы что, с ума сошли?! Езус Христос, нам еще только крови здесь не хватало!

Подъехали еще двое гайдуков. Первым делом они спешили, и, немного поколдовав над своим старшим, оттащили его в сторону, под сосну. Судя по тому, как быстро они потеряли к нему интерес, он уже был мертв. Теперь гайдуки стояли, прикрываясь крупами своих лошадей, и в полемику с кучером-дворянином больше не вступали.

– Так кто же у вас в карете, пан поручик? – урок, преподнесенный кучером старшему гайдуку, очевидно, пригодился тому, что подскакал последним. – Теперь я старший этого разъезда, поэтому обязан выяснить...

– В карете отдыхает князь Одар-Гяур. Подданный султана Османской империи. Мне же приказано сопровождать его до границы с Молдавией.

– Князь Одар-Гяур? Он один? Но ведь с ним были спутники.

– А кто утверждает, что их не было? Взяли шедших за каретой лошадей и ускакали в село. Это охранники, слуги князя, которые спешат позаботиться о ночлеге.

«Однако он неплохо осведомлен в том, кто я», – несколько запоздало оценил знание и смысленность своего кучера Гяур. Дверца кареты была открыта, но он все еще сидел в ней с двумя пистолетами в руках.

– Получается, мне следует верить, что вы – действительно князь и подданный султана? – наклонился к нему, не сходя с коня тот, кто принял старшинство среди гайдуков.

---

¹⁵ Надворные казаки – это казаки-наемники, которые служили при дворе того или иного магната, охраняя его самого, а также его имения.

Гяур молча достал из внутреннего потайного кармана своего камзола пристегнутый к поясу большой золоченый медальон, украшенный серебряным полумесяцем с зеленоватым сапфиром посредине. С двух сторон этого медальона по-турецки и латиницей было высечено: «Князь Одар III под сиятельной десницей аллаха и султана Порты».

«Под сиятельной десницей!...». Этот медальон изготовил для него по заказу отца известный мастер-золоточеканщик с острова Родос. Однако при всей изысканности своей огранки он ровным счетом ничего не стоил бы, если бы с помощью влиятельных особ при дворце султана отцу не удалось получить небольшую, начертанную на пергаменте, султанскую грамоту, удостоверяющую и личность князя, и государственную священность медальона.

Именно султанская грамота, предъявленная вместе с медальоном, позволяла Гяуру относительно спокойно чувствовать себя и при встрече с турками, и в конфликтах с крымчаками. Она же требовала от командиров турецких гарнизонов и наместников татарского хана предоставлять владельцу этих атрибутов убежище и возможность свободно перемещаться по всем владениям Турции и землям Крымского ханства.

Конечно, в Польше грамота могла вызвать реакцию, совершенно противоположную той, на которую рассчитывал отец, Одар-Воитель. Однако Гяур все же решил прибегнуть к ее всемогуществу, не желая продолжать бессмысленную стычку. Он не хотел возвращаться в Варшаву, имея на своей совести погубленные души подданных короля.

– Но, – парировал гайдук, который, кстати, тоже мало был похож на казака-наемника, – гонец, примчавшийся в Перемышль, откуда мы скачем вслед за вами, заявил, что в этой карете скрывается полковник реестрового казачества господин Хмельницкий, коего нам приказано задержать как государственного изменника.

– Странно, еще минуту назад я вспоминал о нем, как о генеральном писаре реестрового казачества. А не далее как вчера члены королевского двора и сенаторы тоже относились к нему, как к польскому офицеру. Может, вы объясните, что произошло за сутки такого, что превратило казачьего полковника на королевской службе – в изменника и личного врага хранителя престола?

– Этого я знать не могу, – отрубил старший гайдук. – Однако знаю, что такой же приказ об аресте получили все офицеры, все гайдуцкие и казацкие старшины.

«Вот оно что! – только теперь Гяур понял, почему догонявший их гайдук проявил столь странную агрессивность. – Он-то считал, что имеет дело с охраной государственного преступника!».

– И вы вчетвером намеревались задержать казачьего полковника, предавшего, как вам кажется, короля? – насмешливо поинтересовался Одар. – Как вам это представлялось?

– Просто нас осталось только четверо, потому что остальные уехали сопровождать графа. Но коль устами гонца нам приказано...

– Сойди с коня: ты говоришь с князем! – вмешался кучер-поручик. И Гяур понял свою оплошность: это ему надо было заставить графского холопа сойти с коня.

Гайдук молча повиновался, но при этом все же заглянул в карету.

– Значит, вы и есть тот самый полковник-иностранец, который сопровождал Хмельницкого? – вдруг вспомнил один из гайдуков, все еще прятавшихся за крупами лошадей. – Гонец говорил о каком-то полковнике-чужеземце: то ли турке, то ли греке.

– Да, я сопровождал Хмельницкого во время его вояжа во Францию. Это хорошо известно канцлеру Оссолинского, королеве Марии-Людовике Гонзаге, да и самому монарху. Теперь же, по приказу его величества короля Владислава IV, направляюсь во Львов, – спокойно объяснил Гяур, не ожидая вопроса старшего гайдука. – Но самого Хмельницкого здесь нет.

– Князь расстался с ним еще в Варшаве, – добавил поручик. – Я тому свидетель.

– Надеюсь, что это правда, господин князь? – осторожно усомнился гайдук.

– Именно так все и было, – невозмутимо подтвердил Гяур. – Кстати, что вы намерены предпринять в таком случае?

– Мы не получали приказа задерживать князя, – озадаченно молвил старший гайдук, обращаясь к своим подчиненным. – Есть приказ коронного гетмана задержать только полковника Хмельницкого. Извините, ясновельможный князь, что потревожили вас. И за горячность гайдука нашего тоже простите.

– Но в таком случае вы должны будете правдиво объяснить графу, что гайдук его погиб по собственной глупости, напав на поручика, который выделен мне как иностранцу из королевской охраны для сопровождения. А вынужден выдавать себя за кучера, поскольку кучер наш в дороге захворал, да и для обмана всевозможных злодеев.

– Мы расскажем все, как было, – сдержанно заверил гайдук. – Зачем выгадывать там, где сама жизнь наша уже и так черти чего нагадала?

– Тогда забирайте тело убитого, и с богом. Нам нельзя терять время.

14

– Госпожа графиня, нас удостоил своим посещением граф Артур де Моле, – доложил Шевалье де Куньяр.

– Вы, как всегда, чего-то не договариваете, – с легким укором заключила Диана, строго всматриваясь в лицо представшего перед ней молодого рыцаря. Чистое, утонченное – оно показалось графине настолько очаровательным, что красота Артура де Моле невольно напрашивалась на сравнение с красотой Гяура. Правда, князь Одар был чуть повыше ростом и шире в плечах. Да и черты были достаточно правильными и еще более утонченными.

И все же эти двое мужчин казались ей чем-то похожими друг на друга. Прежде всего, их сходство формировалось густой, черной, напоминающей спартанский шлем, шевелюрой Артура и, пусть и светло-русый, «шлемом» князя Одара-Гяура.

– Я рассказывал вам о том, что господин граф де Моле уже однажды навещал наш замок.

– И очень интересовался историей создания ордена тамплиеров, – поддержала его графиня, движением руки указывая гостю на кресло напротив себя. – Я права, граф?

– С детства увлекаюсь стариной, – сухогато согласился де Моле. – В особенности рыцарской.

– И ваш интерес к ордену ничуть не удивил меня, поскольку господин шевалье сообщил, что вы являетесь потомком самого Великого магистра Жака де Моле, которому суждено было выдержать жестокие испытания и погибнуть во славу ордена на костре инквизиции.

Граф де Моле оказался не из разговорчивых. Он молча выслушал Диану и кивнул в знак согласия. Хотя графиня ожидала, что гость сразу же попытается прояснить цель обоих своих визитов.

– Если вы ничего не хотите добавить к уже сказанному, господин шевалье, – обратилась Диана к де Куньяру, – можете чувствовать себя свободными.

– Прежде чем удалиться, я хотел бы показать графу одну вещицу, которую снял с тела человека, покушавшегося на вашу светлость. Имею в виду этот изысканный медальон с мальтийским крестом на крышке... Не кажется ли он вам знакомым, господин граф?

Де Моле взял из рук шевалье медальон на толстой серебряной цепочке, внимательно осмотрел его и, переведя взгляд на пламя камина, задумался.

– Вы правы, шевалье, эта вещица мне знакома, – произнес он минуту спустя. – И не думаю, что могу ошибиться. Я видел ее на груди рыцаря, прибывшего сюда в прошлый раз в образе оруженосца маркиза д'Атьена.

– Потомка великого инквизитора Франции Гийома де Ногаре, – напомнил графине де Куньяр. – Вы действительно не ошиблись, господин граф. Точно так же, как не ошибусь и я, уведомив вас, графиня, что вторым всадником, ожидавшим убийцу внизу, на берегу реки, был, очевидно, сам маркиз, испепели меня молния святого Стефания. Ваш слуга Кара-Батыр успел заметить, что он представал в белом плаще с красным крестом на рукаве, а на плечи спадала седина.

– Седина и белый плащ – еще не доказательство того, что в засаде был именно маркиз д'Атьен, – засомневался де Моле. – И потом, зачем ему понадобилось убивать... извините, покушаться на прелестную хозяйку замка?

– Очевидно, решил мстить ей как наследнице твердыни ордена тамплиеров. В нем, видите ли, взыграла кровь великого инквизитора. Хотя лично я всегда ненавидел инквизиторов и инквизицию, испепели меня молния святого Стефания. Католическую церковь, породившую инквизицию, следует запретить как самую человеконенавистническую организацию, когда-либо созданную человечеством. Запретить точно так же, как в свое время церковь запретила орден тамплиеров.

Встретать в полемику, касающуюся инквизиции, де Моле не стал. В то же время он понял, что подтвердить свои предположения относительно замыслов маркиза де Куньяру будет так же сложно, как и ему – опровергнуть. Только поэтому он примирительно произнес:

– Нам не остается ничего иного, как расспросить обо всем самого маркиза. Мы договорились встретиться здесь, в замке. Завтра. Как видите, я прибыл на день раньше, чтобы проникнуться духом рыцарской старины.

– Надеюсь, вы сами расспросите об этом маркиза, господин Великий магистр. Причем сделаете это со всей возможной суровостью.

– «Великий магистр»?! – удивленно взглянула на шевалье Диана. – Вы назвали графа «Великим магистром»?!

Шевалье де Куньяр и граф де Моле многозначительно переглянулись, как бы решая, кому удобнее отвечать.

– Я считаю, что граф де Моле, он же Великий магистр ордена тамплиеров, сам предоставит все необходимые объяснения, испепели меня молния святого Стефания. Мне же позвольте оставить вас, – вежливо склонил голову шевалье.

Оставшись одни, Артур и Диана какое-то время молча всматривались в пламя камина. И лишь сильный удар грома заставил их забыть об огне земном и встрепенуться перед силой огня небесного.

Графиня поднялась и, будто не веря, что там, за окном-бойницей, действительно способна разыгаться такая стихия, пошла на ее взблески, словно на свет маяка.

– Да, мы решили возродить орден тамплиеров. И сделали это здесь, в замке Шварценгрюнден, в «тайном зале для посвященных», – подошел к окну вслед за ней граф де Моле.

– «Мы» – это кто? Самое время уточнить имена создателей.

– Я, шевалье де Куньяр, маркиз д'Атьен и наши оруженосцы.

– При этом двое из вас уже попытались убить меня, то есть ту, в чьих жилах, возможно, в большей степени, чем в жилах всех вас вместе взятых, течет кровь «бедных рыцарей Христовых». Владелицу замка, давшего вам приют. Хорошее начало. Вполне в духе ордена тамплиеров.

Артур остановился за спиной у Дианы, и каждый раз, когда молния пробивалась сквозь черноту грозового неба, она оставляла на каменном полу зала два мрачных силуэта, как бы запечатляя их для потомков.

– Если все происходило так, как вы предполагаете, я вызову маркиза на дуэль, чтобы швырнуть его инквизиторскую голову к вашим ногам.

– И вызовите. Но не раньше, чем он объяснит мотивы покушения, – осытвила его решительность Диана. – И хватит о нем. Если я верно поняла, теперь вы, стало быть, наделены правами и честью Великого магистра ордена?

– Ибо так угодно было Господу нашему.

– Допустим, допустим. А резиденцией, как я поняла, решили избрать мое родовое владение – замок Шварценгрюнден?

– С вашего позволения.

– Вот именно: с моего, граф, позволения, – жестко подчеркнула Диана. – И только с моего. Однако, принимая решение основывать орден в стенах замка, никакого позволения вы у меня не испрашивали. Закрадывается подозрение, что вы и спешили-то сюда, будучи уверенными, что властительница замка уже мертва, поэтому он достанется шевалье де Куньяру как управителю и дальнему родственнику.

– Наоборот, мне приятно, что наконец-то объявилась властительница. Кстати, другого претендента на замок, кроме шевалье, не существует?

– Во всяком случае, в ближайшее время не обнаружилось бы. А тех, кто пытался бы претендовать на него, вы с шевалье попросту убрали бы.

– Вы не так себе все это представляете. Хотя, согласен, мы виноваты, что, решившись возродить орден, проникли в «тайный зал для посвященных», не поставив вас в известность, – произнес Артур де Моле голосом, угасшим от гнева и волнения. – Однако вина наша не столь тяжела и страшна, как вы пытаетесь представить ее в своем воображении. Тем более что в зал мы вошли вместе с рыцарем де Куньяром.

15

Гайдуки поспешно уложили убитого поперек седла осиротевшего коня, привязали его и медленно, затравленно оглядываясь, подались в обратный путь.

Только сейчас Гяур заметил, что дождь окончательно прекратился, и над омытой им опушкой появилась бледная, полуразмытая дымкой, радуга. Он оставил карету, подождал, пока из леса выйдут д'Артаньян и Хозар, и коротко объяснил французу, что произошло и кого искали эти люди.

– Жаль, что Хозар сдерживал меня, – разгоряченно посетовал д'Артаньян. – Не пойму, почему мы не могли сразиться с гайдуками, или как вы там их называете, которые столь нагло напали на нас. Клянусь пером на шляпе гасконца, мы бы не уступили. Разве я не прав, князь?

– А почему вы считаете, что мы так и не сразились? – возразил Гяур. – Мы с поручиком сражались, как могли. Он – пистолетом, я – сдержанностью.

– Слишком замысловато, князь. Я говорю о рапире и саблях.

– Всегда следует избирать только то оружие, которого оказывается достаточно, чтобы противник бежал с поля боя. Кстати, поручик... – обратился он к кучеру.

– Кржижевский. Стефан Кржижевский, господа, – представился поручик по-французски, чтобы участником их разговора стал и лейтенант мушкетеров.

– Вы, оказывается, храбрец.

– Проситесь в мушкетеры, поручик, проситесь, – посоветовал д'Артаньян. – Клянусь пером на шляпе гасконца, вы достойны не только моего заступничества, но и протекции самого полевого маршала мушкетеров господина де Тревиля¹⁶, которая способна появиться благодаря моей собственной, скромной протекции.

---

¹⁶ Де Пеир де Тревиль больше известен из исторических источников и романов А. Дюма как капитан-лейтенант роты королевских мушкетеров. Но смею напомнить моим читателям, что с 1636 года он служил уже в чине полевого маршала,

– Не поможет, – безнадежно отшутился поручик. – Я ведь прирожденный гвардеец.
– Каковы же ваши дальнейшие планы, господин прирожденный гвардеец? – поинтересовался Гяур.

– Сопровождать вас. Другой цели у меня теперь нет. Хмельницкого, смею заметить, на территории Польши догнать они уже не смогут, поскольку опоздали самое малое на сутки. Уверен, что полковник давно в Украине. А там он найдет способ защитить себя. Да и я помогу.

– Вы?! – не понял Гяур. – Каким образом?

– Сопровождать-то я вас буду лишь до ближайшего местечка. Оттуда придется свернуть на Краков.

– Надеетесь встретиться там с Хмельницким?

– Я ведь сказал, что он уже в Украине, и теперь направляется к Чигирину, в родные места. Оттуда, возможно, подастся на Запорожскую Сечь.

– Что же тогда зовет вас в Краков?

– Там теперь находится королева. Попробую убедить ее вступить за впавшего в опалу генерального писаря или же пробиться с ее помощью к королю. Только бы застать его в Кракове, не разминуться.

Святое дело, поручик, святое. Но откуда столь достоверные сведения о Хмельницком? – засомневался Гяур. – Даже Сирко не способен с точностью определить, когда и в каком направлении он умчался.

– Просто вы не запомнили меня. Да и не могли запомнить. Я – тот самый поручик, из личной гвардии коронного гетмана, который когда-то, помните, в день казни атамана Гольтьбы, доставлял господина Хмельницкого к графу де Брежи. Я же недавно отвозил его ночью к одному постоялому двору, на котором полковника ждали трое казаков-гонцов из Львова, а также свежие лошади и походные сумы с харчем. К тому же именно я снабдил полковника письмом, которое поможет ему хоть несколько дней переждать в усадьбе одного надежного человека.

– Так, значит, вы – из личной гвардии коронного гетмана или из охраны короля? Мы-то решили тогда, что вы состоите в личной охране королевы.

– По службе я всего лишь поручик личной гвардии гусар коронного гетмана. Но это не мешает мне выполнять кое-какие мелкие поручения королевы. С согласия и одобрения ее супруга, как вы сами понимаете.

– Отсюда и пристрастие к театральному переодеванию? – довольно опасно пошутил Гяур, однако Кржижевский воспринял его шутку совершенно спокойно.

– Вы оказались близки к истине, князь. Случилось так, что службу свою я начинал не в королевском гусарском полку, а... в королевском театре.

– Даже представить себе нечто подобное невозможно! – бестактно расхохотался д'Артаньян.

– Причем я оказался неплохим актером, – простил ему это простодушие Кржижевский. – Очевидно, поэтому меня и заметила сама королева. К слову, играл я тогда роль поручика. Может, только этим и запомнился. В антракте секретарь ее величества пригласил меня в королевскую ложу. «Отныне вы будете играть свою роль поручика в куда более захватывающей пьесе, – язвительно пообещала королева, внимательно присмотревшись ко мне, но ни о чем не спрашивая и ничего не объясняя. – Правда, аплодисментов будет поменьше... Зато звона клинков – хоть отбавляй. Клинком-то вы хоть немного владеете?» – «Меня обучали всего лишь театральному фехтованию», – ответил я. «Вот и будете фехтовать театрально, – все с той же язвительностью пообещала королева. – А чтобы до этого дело не доходило,

налегайте на свое сугубо актерское искусство входить в образ. Потому что именно этим вы привлекаете меня больше всего».

– Сугубо королевское предложение, – величественно покачал головой д'Артаньян. – Надеюсь, оно закончилось тайными свиданиями?

– Я тоже рассчитывал на это, – простодушно рассмеялся Кржижевский. – Но очень скоро понял, что любовник у королевы уже есть, понадобился только шут. Уже будучи поручиком (королева тут же сдержала свое слово), я убедился, что ей и в самом деле понадобился человек, умеющий не столько фехтовать, сколько переодеваться и перевоплощаться. А кто превзойдет в этом лучшего из артистов королевского театра?

16

Старый сосновый бор расступился вместе с тучами, и с возвышенности, на которую взбрели выбившиеся из сил кони, путникам открылась залитая солнцем долина, двухэтажная усадьба, обнесенная каменной оградой по всему периметру плато, на котором она стояла, да несколько десятков хат, разбросанных по низине, словно разбредшаяся без присмотра отара...

Виден был отсюда и широкий плес реки, расчлененный как раз напротив усадьбы высокими гранитными глыбами, неподалеку от которых действительно серел переброшенный через два, разделенных островом, рукава длинный, старинной постройки мост, похожий на французские виадукы времен Римской империи. Но уже прямо здесь, на возвышенности, широкая почтовая дорога делилась на три пыльных течения: одно покорно уводило к мосту, другое – к усадьбе, третье, наиболее истерзанное колесами тяжелых повозок, – к затаившемуся в долине небольшому селу.

Поручик знал, что они должны держать путь к мосту, но все же придержал лошадей, давая возможность своим спутникам полюбоваться открывающейся панорамой.

– Эй, люди добрые, кто вы и откуда?! – появился на дороге, ведущей к усадьбе, вооруженный саблей и копьем всадник.

– Что, опять?! – схватился за пистолет кучер-поручик Кржижевский. – Они что, с ума здесь все сошли, что ли?! По османской Турции гордому поляку легче проехать, чем по родной земле!

– Я всего лишь спрашиваю, кто в карете, – довольно миролюбиво напомнил всадник, подъехав еще ближе. Однако вплотную приблизиться к карете не решился, опасаясь вызвать своим появлением еще больший гнев странников.

– Мы здесь проездом. Везу важных господ из самой Варшавы, – ответил кучер.

– Ты-то сам кто такой? Что нужно? – в свою очередь пророкотал Хозар, высываясь из кареты с пистолетом в руке.

– Нет ли среди вас князя Одара-Гяура, господина?

– Он здесь, святые судного дня! – изумился Хозар. – Но откуда вам знать о нем? От кого прослышали о его приезде в эти края?

Тем временем открылась вторая дверца кареты.

– Вот именно, откуда вам известно мое имя, гнев Перуна? – по пояс высунулся полковник.

– Так это вы и есть тот самый князь Гяур?!

– Ты еще смеешь сомневаться в этом?

– Не сомневаться, радоваться! Наконец-то вы прибыли, светлейший князь! – сорвал с головы высокую овечью шапку всадник. – Уже второй день пани Ольбрыхская посылает меня дежурить на дороге, чтобы встретить вас. Так я уже не только сюда, но и за несколько

верст отсюда, к соседнему мосту, выезжал: вдруг проедете мимо Ратоборово. Вы уж извините, но приходилось останавливать каждую карету, каждый экипаж.

– Постой-постой, о чем ты там бубнишь? – нахмурился Гяур. – Ты говоришь: «пани Ольбрыхская»?

– Графиня Ольбрыхская, прошу пана, графиня.

– То есть речь идет об Ольгице Ольбрыхской, слепой пророчице?

– О слепой, силы небесные, о слепой!

– Значит, Ратоборово – ее имение?

– Причем Богом данное, ясновельможный пан. Я – всего лишь экономом графини. Вуек моя фамилия.

– Гнев Перуна! Все-таки меня занесло сюда. Сначала мы заблудились и, вместо того чтобы ехать на Ясинов, подались к Подскальному. Потом вдруг вздыбилась река и снесла мост, заставив нас ехать сюда, проделывая еще больший крюк.

– А что вы удивляетесь? – подъехал чуть поближе экономом и, слегка наклоняясь к князю, словно кто-то мог подслушать их, перекрестился: – С появлением Ольгицы здесь вообще много всякой чертовщины стало твориться.

– В имении?

– И в селе. Везде, – набожно, не скрывая страха, осенил себя широким крестом Вуек. – С тех пор как появилась старая графиня Ольбрыхская, здесь иногда такое происходит, словно все ведьмы Польши на шабаш слетаются – да простит меня Господь за неугодные ему слова. А вот молодая пани Ольбрыхская...

– Власта?! Ты имеешь в виду Власту? – просветлело лицо Гяура.

– Ее, милостивейший князь.

– Она тоже здесь?!

– И будет очень рада видеть вас в своем имении.

– Власта – «в своем имении»? – пророкотал Хозар. – Мир действительно сошел с ума! Нищенка Власта ждет нас в своем имении!

– Нищенка?! – изумился Вуек. – Побойтесь Бога, господин вы наш великодушный! Какая же она нищенка? Она – графиня.

– Вот так, сотник Хозар, привыкай, что теперь она – графиня, – заключил князь. – Ну что, господа? – оглянулся он на своих спутников. – Думаю, надо заехать. Отогреться, подсушиться, перекусить. Коль уж в этом имении нас так долго и упорно ждали, грех великий – пренебречь гостеприимством хозяев.

– Но неужели слепая старуха Ольгица – теперь тоже графиня, да к тому же – Ольбрыхская? – не мог смириться с «сумасшествием мира» Хозар.

– А она всегда была ею, – развел руками Вуек. – Правда, тут ее называют «черной графией». За ведьмачество, наверное.

– Да, графиня де Ляфер как-то рассказывала историю этой женщины, – поддержал его Гяур, вспоминая седую нищенку-пророчицу, сидящую в каменной корчме Ялтуровича «Семь паломников». – Если только ты ничего не перепутал, экономом? – подозрительно смеялся он взглядом всадника. Ему еще помнилась недавняя стычка с гайдуками, после которой можно было ожидать и настоящей западни.

– Раньше хозяйкой имения была ее мать, потом – младшая сестра. Но обе они давно преставились. Теперь владелицей стала Ольгица, которой я служу. Как тут можно что-либо перепутать? Боятся ее, пророчицу, в этих краях, да только что сделаешь? Зато оба свои имения она завещала госпоже Власте.

– Которую графиня... удочерила?

– Кое-кто утверждает, что на самом деле это ее родная дочь. Ее грех.

– То есть на самом деле Власта приходится Ольгице родной дочерью?! – изумился Одар.

– Никто бы в этом не сомневался, если бы только Ольгица подтвердила это собственными устами. Но разве кто-либо слышал подобное подтверждение? Впрочем, Бог ей судья. Главное, что Власта вас и ждет. Сама старуха теперь больна. Смертельно больна, прости меня, Господи, на недобром слове. Но что поделаешь, все так говорят, даже ксендз.

Словно в наказание за его слова, по ложе долины, между двумя массивами леса, прорвался мощный порыв ветра и едва не сбросил Вуека с вершины придорожного холма вместе с конем. Успокоив волчком завертевшееся животное, экономя испуганно перекрестился и благоразумно умолк.

– Я далеко не все понял из вашего разговора, – вмешался д'Артаньян, – однако уловил, что нас ждет некая госпожа Власта. А значит, мы вновь будем желанными гостями. Мне бы это не помешало, – зябко поежился мушкетер.

– Не удивлюсь, – загадочно улыбнулся Одар, – если в этом имении нас будет ждать не только Власта, но и графиня де Ляфер.

– К сожалению, это невозможно, но если бы это действительно случилось, то... клянусь пером на шляпе гасконца. А как славно это выглядело бы. Здесь, в дикой лесной глуши, у нас образовалась бы почти парижская компания. Эдакий салон ведьм лесного братства. Но ведь это в самом деле невозможно. Она не могла оказаться здесь раньше нас. И потом... почему именно здесь?

– С вопроса: «Почему именно здесь?» вы и должны были начинать, лейтенант. Отвечаю: уже хотя бы потому, что до недавнего времени этим имением владела графиня де Ляфер. Она-то и продала его одной странной особе, имя которой Власта.

– В том, что вскоре вся эта страна окажется во владении графини Дианы де Ляфер – я уже не сомневаюсь, – вежливо приподнял шляпу мушкетер, давая понять, что произносит эту фразу со всем возможным уважением к графине-заговорщице и ее избраннику. – Но хотелось бы чуточку больше узнать о том, кто эта загадочная Власта, имя которой вы способны упоминать куда чаще, нежели имя влюбленной в вас француженки.

– Объяснить все то, что у меня связано с именем некоей юной пророчицы, пока невозможно, – столь же вежливо отмахнулся князь от любопытного лейтенанта. – Уверен, что когда вы хоть немного познакомитесь с ней лично, разговор окажется куда более предметным. Как и разговор о слепой ведьме Ольгице, владелице, как было сказано, двух других имений, которая, увы, тоже носит титул графини. И вообще, в этой стране все запутано так же непостижимо сложно, как и сама ее история.

– Настолько запутано, – поддержал его Вуек, – что, пожалуй, на этом объяснении пора остановиться. Дальше ваш спутник все равно ничего не поймет.

– Судя по всему, нам с вами давно следовало остановиться в постижении родословной Власты, – поворчал Гяур, – чтобы до сих пор воспринимать ее как нищенку.

Вот теперь уже не понял смысла его ворчания сам Вуек, а, чтобы как-то сгладить ситуацию, он вдруг поклонился графу д'Артаньяну и спросил:

– А вы – француз, правильно я понял?

– Перед вами, уважаемый, лучший королевский мушкетер Франции, – ответил за него Гяур.

– Тогда Ольгица действительно всевидящая, как сама Дева Мария. Она ведь так и сказала: «С князем должен быть иностранец, француз».

– А не предположить ли, что к вам навевывался господин Хмельницкий? И рассказал, что мы должны проезжать вблизи имения?

– Что вы, ясновельможный князь! Я – в имении безвыездно. В последний месяц к нам никто не заезжал. Вообще никто. Порой кажется, что десятой дорогой объезжают, только бы

не оказаться где-либо поблизости. Окрестное дворянство откровенно побаивается Ольгицы – вот что я вам скажу. Пока здесь жила графиня-француженка... О когда здесь жила эта женщина!.. – романтично вздохнул Вуек

– Впрочем, где только ни пребывала эта прекрасная графиня-француженка!.. – уловил ход его тайных мыслей и воспоминаний Одар.

– ... Тогда окрестные господа только в Ратоборово и кутили. А теперь сторонятся его, как проклятого места. Госпожа Диана так и говорила, что не угомонится, пока не превратит свое польское имение в маленький Версаль. Представляете: маленький Версаль? В этой затрапезной глуши?! Но все мы, обитатели Ратоборово, до сих пор уверены, что, задержись графиня здесь еще хотя бы на пару лет, добилась бы своего, превратила...

– Не пытайся удивлять меня тем, что здесь происходило при графине де Ляфер, – преврал его воспоминания Гяур. – Так что давай, слуга двух ведьм, скажи, предупреди хозяек, что гости уже на пороге.

17

В назначенный час Река Времени выносит нас на свой испещренный могилами берег, и она же в назначенный час поглощает нас. В этом-то – всего лишь в этом! – и заключается вся поднебесная тайна нашего бытия.

Автор

Пока они добрались до усадьбы, солнце снова скрылось за тучами. Вновь усилившийся послегрозовой ветер срывал листья вместе с ветками и усыпал ими дорожку, двор, вычурные садовые скамейки.

Было холодно, однако высокое кресло, в котором сидела слепая графиня Ольгица, стояло на открытом крыльце, на ветру. Шерстяная накидка, наброшенная прямо на платье, вряд ли могла согреть старую женщину, однако Ольгица держалась так, как держалась всегда, сколько ни приходилось видеть ее Гяуру в трактире Ялтуровича: ровно, расправив плечи, высоко вскинув подбородок, словно всматривалась куда-то вдаль... Всматривалась и чего-то ждала. Постоянно чего-то ждала.

Рядом с ней, на низеньком стульчике, пристроилась Власта. Так же легко одетая, в такой же черной накидке, она сидела, обхватив руками колени, и слегка покачивалась, нетерпеливо поджидая, когда эти четверо мужчин войдут во двор и по липовой аллее приблизятся к крыльцу.

На гостях были промокшие темные плащи-дождевики, которые делали их похожими друг на друга, как монахов, идущих на заутреннюю. Однако Власта сразу выделила среди них могучую фигуру Гяура. Он шел первым. За ним следовали двое неизвестных ей людей, один из которых, очевидно, должен быть французом. Так оно и есть: вон тот, в широкополой шляпе, с пером. Ну а замыкал шествие всегда отпугивавший своей молчаливой угрюмостью сотник Хозар.

– Кланяюсь вам, досточтимые графини. У нас был трудный путь. Но случилось так, что дорога сама привела сюда. Если позволите, переночуем у вас, переждем ураган.

– Это вы, князь? Конечно же, вы! Вижу вас, вижу!

В этом «вижу вас, вижу!» не было бы ничего особенного, если бы его не произносила совершенно слепая женщина. Но ведь она и в самом деле – «видела»! Причем даже много того, чего не способны были видеть многие зрячие.

– Я, госпожа Ольгица, я! Видно, так было угодно Всевышнему, чтобы мы снова свиделись с вами.

– Ох, и долго же вы добирались сюда, Одар-Гяур. Измучилась я вся, ожидая. Вижу, что вы по-прежнему молоды и статны. Но, по-моему, заметно возмужали. Ну да, конечно же, возмужали.

Даже теперь, сильно ослабевший, голос Ольгицы все же оставался твердым и властным.

– Вы? Измучились, ожидая меня? – не понял Гяур и пристально посмотрел на Власту, пытаясь заставить ее объяснить, что скрывается за словами слепой всевидящей.

Однако девушка восприняла его взгляд так же безучастно, как и слова Ольгицы, тайный смысл которых, несомненно, был ею понят. Она сидела, отрешенно глядя прямо перед собой, на ступеньку крыльца, и могло показаться, что появление здесь Гяура, да и вообще всех этих незваных гостей, абсолютно никакого впечатления на нее не производит. Она даже не поднялась, чтобы, как водится, поздороваться с ними. И уж, конечно, не стоило даже помышлять о том, чтобы поскорее пригласить их в дом.

– Измучилась, князь, – устало ответила Ольгица. – Бог тому свидетель.

– Но почему вы ожидали нас? То есть меня? – Гяур почувствовал, что от волнения горло ему перехватило, словно в нем застрял какой-то жгучий, все насквозь прожигающий комок.

– Хотелось убедиться, что Власта действительно дождетя вас. Очень хотелось убедиться в этом. А тут вот случилось так, что ждать мне больше некогда. Оставался всего день. Только один день. Хорошо еще, что высшие силы сжалились надо мной: ливнем взбунтовали реку, чтобы та снесла мост, по которому вы должны были проехать... мимо. Опять же, мимо...

– Но как вы могли узнать, что мы направляемся в эти края? И что вместе со мной в карете француз? Ваш эконоом утверждает, что в последние дни вы никого, никаких гостей, не принимали. Кто же мог известить? Мне, поверьте, очень важно знать это.

– Я-то, князь, думала, что уж кто-кто, а вы не станете задавать подобные вопросы ни Власте, ни, тем более, мне, – вдруг заметно слабеющим голосом ответила Ольгица. – Жаль, что с вами нет того жилистого полковника.

– Жилистого полковника? – стянул брови к переносице Одар.

– Я понимаю, у него сейчас много дел, и, прежде всего, нужно собирать войско.

– Ах, вы имеете в виду полковника Сирко... А ведь знаете, кое-что из того, что вы ему предрекали, уже сбылось, – оживился Гяур, поняв, что предсказательница напомнила ему о Сирко не без тайного умысла. – Во всяком случае, во Франции, «за три страны», как вы тогда выразились, он уже побывал. И если не произойдет ничего такого...

– Не произойдет, – прервала его Ольгица. – То есть произойдет многое. Но все складывается так, что человек, который должен был командовать войсками во Франции, отправиться туда не сможет. Он был единственным препятствием, которое могло повлиять на судьбу вашего полковника.

– Но, позволю себе заметить, человек, который должен был вести войска, вполне достоин того, чтобы Франция знала о нем. Поэтому жаль, что...

– Не стоит сожалеть, – резко молвила Ольгица. – Об этом человеке Франция еще узнает, и не только она – вся Европа. Этот человек рожден не для сочувствия, князь, а для величия. Да-да, для величия.

– Вы говорите все это о полковнике Хмельницком? Возможно, мы ведем речь о разных людях?

– О том самом полковнике, которого в Варшаве считают сейчас изменником и за которым охотятся, словно за взбесившимся туром.

– Очень точно подмечено, графиня: как за взбесившимся туром.

– Все королевские охотники пошли на него, вся псарня травит.

– Но, в конце концов, ему все же повезет?

– Я ведь сказала уже: о нем узнает весь мир. Кстати, о полковнике Сирко – тоже. Хотя слава его будет омрачена кровью, которую он прольет на землях самой Украины, в неправедных боях за власть. Но это уж, как водится...

– В любом случае спасибо вам за надежду, госпожа Ольгица. Кажется, я действительно начинаю верить предсказаниям.

– Следовало сказать: «Начинаю верить вашим предсказаниям».

– Ибо я действительно начинаю верить вашим... предсказаниям. Пока что – только вашим.

– Для меня, – приглушенным голосом объяснила Ольгица, – не столь уж и важно было, чтобы вы произнесли эти слова. Куда важнее, чтобы убедились: будущее действительно можно предвидеть. Правда, лишь тем, кому это дано.

Только теперь Гяур понял, что приглушенный рев, доносившийся из-за усадьбы, порожден водопадом. Где-то рядом все еще клочкотала и металась в каменистых берегах, меж гранитными валунами, вздыбившаяся после грозового ливня река. Обратив на это внимание, князь тут же вспомнил о высших силах, которые, сжалившись над Ольгицей, ливнем «взбунтовали реку», с тем чтобы она снесла мост...

Что это за «высшие силы» такие, и почему они так напрямую вмешивались в земные дела, Гяур понять так и не смог. Как не способен был и поверить в реальность всего того, что стояло за связью между ними и слепой провидицей. Вот только мир существовал вне его понимания, и даже вопреки ему.

– Так или иначе, а наведываться сюда стоило уже хотя бы ради того, чтобы услышать пророчество, которое мы только что услышали. Да, забыл представить: вместе со мною – французский офицер, лейтенант королевских мушкетеров граф д'Артаньян.

– Тот самый француз, – согласно кивнула Ольгица. – Вот видите, хвала высшим силам, все сбылось, решительно все. Пусть этот иностранец подойдет ко мне.

– Она просит вас приблизиться, господин д'Артаньян, – перевел с польского Гяур. Хотя граф понял ее и без перевода.

Он подошел, снял шляпу, вежливо поклонился и какое-то время так, со шляпой в руке, молча стоял напротив Ольгицы.

– Так вы... лейтенант?

– Кардинал Мазарини до сих пор не способен понять, как случилось, что я удостоен столь высокого мушкетерского чина, госпожа Ольгица.

– Кардинал Мазарини? Кажется, теперь он уже пребывает в ипостаси первого министра Франции?

– Нашей стране значительно больше повезло бы, если бы он так и остался... кардиналом.

– Значит, вы все еще – лейтенант... – задумчиво проговорила Ольгица. И Гяур уловил, что, как ни странно, сейчас ее интересует именно чин мушкетера. В ее «поднебесном сознании» что-то оказалось связанным именно с ним. Но что? Упоминание о кардинале Мазарини только сбilo ее с главной мысли.

– Видит Бог, что первый министр так и не исправил эту свою оплошность.

– А вот погибнуть... погибнуть придется уже маршалом,¹⁷ – вздохнула она. – То есть генералом, – поспешно уточнила пророчица, но тотчас же снова усомнилась: – Да нет, вроде бы маршалом... Что-то я не могу разобраться в ваших французских чинах.

---

¹⁷ Как известно, Шарль дю Бас де Фезензак сьер де Кастельмор, он же (по титулу матери) граф де Артаньян, погиб в июне 1673 года, во время штурма французскими войсками голландского города Маастрихта, в чине полевого маршала, что соответствует нынешнему общеевропейскому чину генерал-майора.

– Меня больше интригуют дата и причина гибели, – мужественно улыбнулся д'Артаньян. – Известны ли они вам, графиня?

– Словом, то ли генералом, то ли маршалом, – продолжала Ольгица, словно бы не слышала его вопроса. – Но погибнуть в бою, а вовсе не на дуэли, как многие предрекают вам. И случится это, утешу, не скоро. Очень не скоро.

– Она что, в самом деле великая пророчица? – спросил д'Артаньян, когда Гяур все же вкратце пересказал ему все, сказанное Ольгицей.

– Судя по всему, действительно великая.

– В отличие от вас, я не очень-то доверяю всяким предсказаниям и предсказателям. Тем не менее уведоьте графиню, что смятение ее оказалось напрасным: генерал-майоров у нас обычно называют «полевыми маршалами». Это внесет ясность в сотворившуюся в ее сознании неразбериху с чинами. Но смею заверить, что к этой карьере я не буду иметь никакого отношения.

– Вот-вот, лейтенант, спасибо, – неожиданно перешла Ольгица на французский. – Я-то не знала, что некоторых генералов у вас называют этими самыми... «полевыми маршалами». Мне что-то такое слышалось, вроде как «маршал в поле». Поэтому не могла сообразить.

– «Слышалось»? – переспросил д'Артаньян, оказавшись совершенно неподготовленным к встрече с этой женщиной. – Но каким образом? Кто сообщает вам все эти подробности нынешнего и будущего бытия?

– Нам пора, Власта, – вдруг заторопилась Ольгица, словно бы и не слышала вопроса лейтенанта. Необходимость объяснять что-либо из своих пророчеств всегда раздражала графиню Ольбрыхскую, хотя она и пыталась скрывать это.

– Действительно, пора, – спохватился Гяур. – Спасибо, что не отказываете в приюте. Вам тоже не следует оставаться во дворе: слишком холодно и сыро. Вот-вот снова начнется ливень.

– Ливня больше не будет, – едва слышно заметила Ольгица. – Но как раз в такую непогоду, после грозы, при сильном паводке и ураганном ветре, все это и произошло со мной. Тогда, много лет назад. Все повторяется, все возвращается на круги своя.

– Не стоит об этом, – нежно остановила ее Власта. – Только не об этом. Особенно сейчас, в присутствии стольких гостей.

– Наверное, ты права. Как обычно, права.

Появилось двое слуг в черном, и лишь теперь, скользнув взглядом по фигурам Ольгицы и Власты, князь вновь обратил внимание, что обе они почему-то облачены в траурно-черные одежды.

Слуги подняли кресло Ольгицы и понесли его в дом. Только тогда поднялась и Власта.

– Знаю, князь, вы делали все возможное, чтобы не попасть сюда, – негромко, явно не желая быть услышанной графиней Ольгицей, молвила Власта. – Но уж простите нас. Лично мне ваше стремление понятно.

– Ничего такого я не предпринимал. Просто был поглощен своими делами. Мне нужно как можно скорее оказаться в районе Львова, где расквартированы наши войска. К тому же я совершенно забыл, как называется ваше село, и понятия не имел, где оно расположено. Хотя графиня де Ляфер, помнится, говорила о своем имении Ратоборово и даже пыталась ознакомить с его историей.

– ...Все возможное, чтобы не попасть сюда. Вместо того чтобы стремиться бывать здесь как можно чаще, – грустно завершила свою мысль Власта, не внемля его оправданиям.

– Вы несправедливы ко мне, графиня.

– А вы ко мне? И вообще, зовите меня не графиней, а, как и прежде, нищенкой. Или «змеиным отродьем». Так вам будет проще.

– Общеизвестно, что мы меняемся вместе со своим положением в обществе, так что у вас нет оснований винить меня. Точнее, винить только меня.

– Прошу, господа, – потеряла интерес к нему Власта. – Прошу всех в дом. Вам выделяют комнаты, накормят и напоят. Одежду тоже просушат.

– Вряд ли вы почувствуете себя, как в Версале, но в любом случае, у нас вам будет хорошо, – заверил гостей ее эконоом.

– А с тем, что пришлось попасть сюда – смиритесь, как смиряются со всяким странным случаем. Ведь смиряются же, не так ли, князь? – и по лицу Власты, по губам, по едва очерчивающимся морщинкам у глаз пробежала блуждающая ироническая улыбка.

18

Где-то там, в верховье, очевидно, еще продолжался ливень, потому что река бурлила, вскипала и постепенно выходила из берегов, заливая окрестные луга, затапливая гранитные скалы порогов, подступая к низинной, пойменной части молодого, лишь в прошлом году посаженного сада.

Однако угроза половодья никого в усадьбе, похоже, не встревожила. Люди сновали между четырьмя жилыми постройками и двумя амбарами, составлявшими основу этой дворянской усадьбы; из трубы кухни и дома, в котором их разместили, струился густой дым; изредка сюда, к каменному распадку на берегу реки, где стояли Гяур и д'Артаньян, доносились голоса слуг, звон пилы и стук топоров.

– Представляете, полковник, сколько существует на Земле мест, в которых можно прожить, не заметив, что жизнь обошла тебя и твой дом стороной? – задумчиво произнес мушкетер, всматриваясь в очертания какой-то тучки на горизонте.

– ... Что чужая, а нередко и чуждая нам, жизнь обошла ваш дом, – уточнил Гяур. – Но в таком случае стоит ли об этом жалеть – о чужой и чуждой нам жизни?

– Тогда скажу проще: я не мыслю себя в подобном уединении. Лично я – не мыслю.

Гяур с минуту прислушивался к гулу реки, к резким гортанным крикам совы и еще какой-то птицы, обосновавшейся на том берегу. Он словно бы уже примерял свое сознание ко всему тому, чем способна одарить человека эта глушь и чего при этом лишит. Неминуемо лишит.

– Возможно, мы с вами все еще не осознали всей мыслимой философии такого уединенного, почти отшельнического бытия? Но ведь еще есть время, а главное, познавать его следует, находясь уже здесь.

– Бросьте, князь. Да, существуют люди-самоубийцы. Они способны уходить из жизни то ли в силу того, что не хотят продлевать свои мучения, то ли из-за презрения к бренности ее. Но есть люди еще более загадочные для меня, – те, кто всю свою жизнь превращает в сплошное самоубийство уединенностью, отшельничеством, провинциальностью. В отрешенность и самоубийство.

– Это нечто новое в трактовке жизни.

– Стоит приговорить себя к этой зауспокойной хуторской тиши, – кивнул д'Артаньян в сторону усадьбы, – и вы поймете, что ничего нового в моей трактовке нет. Когда один из моих друзей-мушкетеров, обосновавшийся где-то на юге Франции, стал аббатом, я скорбел о нем больше, чем о тех, кого потерял в бою или на дуэли. Во всяком случае, их завершение жизненного пути не вызывает у меня того чувства скорби и безысходности, какое вызывает поступок этого человека. Все-таки они погибли, как подобает мужчинам и воинам.

– Не вздумайте высказывать нечто подобное в присутствии ксендза, – отшутился Гяур, глядя, как недавно прибывший в имение святой отец медленно восходит каменистой тропой на вершину окаймленного невысокими скалами холма.

– Считаете, что священник тут же предаст меня анафеме?

– До анафемы дело не дойдет, а вот в философском диспуте он даст вам, совершенно не искушенному в научных спорах, настоящий бой. Например, скажет, что наши походы, дуэли, загубленные жизни, а также просиживание в трактирах – все это как раз и есть настоящее убийство жизни. Ибо на самом деле смысл человеческого жития как раз и рассчитан на такое мерное течение, в такой вот сельской тиши, на берегу реки, посреди полей. Где есть время, никого не убивая, никому не завидуя и никого не преследуя, задуматься над сущностью своего бытия, чистотой помыслов и добротой души.

– Опомнитесь, князь. Клянусь пером на шляпе гасконца, что сказать мне такое не решился бы даже этот старый ксендз.

– Ему проще, он и так уже давно уединился и отрешился от мирской суеты. А мы все еще суетимся, пытаюсь умерить грехи наши; все еще надеемся найти успокоение, пребывая при этом вне молитв и вне монастырей.

– Э-э, взгляните, – молвил мушкетер, прерывая словесное самобичевание Одара, – кажется, он опять осеняет реку своей крестной успокоенностью!

Ксендз действительно снял нательный крест и широкими, размашистыми движениями перекрестил бурлящий, подступающий к подножию холма, к его ногам, водоворот. А затем, сложив ладони у подбородка, углубился в молитву.

– Да простятся мне грешные слова, мой князь, – негромко произнес д'Артаньян, – однако убеждать меня в том, о чем вы только что говорили, так же бессмысленно, как этим крещением пытаться успокоить и вернуть в свои берега осатаневшую реку. Да вы никогда и не решитесь уединиться здесь. Разве что к глубокой старости, которая все равно, так или иначе, уединяет каждого из нас, независимо от того, находимся ли мы в лесном хуторке или в центре Парижа.

– Вот оно, оказывается, в чем дело! – въедливо улыбнулся князь. – Своими проповедями вы уже завуалированно отговариваете меня от решения остаться в этом глухом сельском имении.

– Считайте, что разгадали мой замысел. Но повторяю: вы ни при каких обстоятельствах не решитесь уединиться здесь, обрекая себя на полумонашеский способ существования.

– Вынуждаете оспаривать ваше мнение, лейтенант? Доказывать, что я способен на подобный вид существования? В буквальном смысле провоцируете на то, чтобы я прямо сейчас объявил: «Уединенность меня не пугает, я навсегда остаюсь в Ратоборово!». Не скрою, что в таком случае, лейтенант, у вас может появиться союзница.

– В лице молодой графини Власты Ольбрыхской, понятное дело, которой хотелось бы видеть рядом с собой такого красавца-супруга, опору в хозяйственных делах и надежного защитника.

– Видите, как просто прочитываются подобные мысли. Сознаюсь, что против вас двоих мне не устоять.

– Наоборот, увидев в моем лагере такое подкрепление, вы станете сопротивляться еще упорнее. Но успокойтесь: я не собираюсь оставлять вас в этом имении, как раненого друга – на поле боя. Не на таких традициях воспитан. В действительности, я всего лишь пытаюсь понять, способны ли вы на подобный поступок.

– Почему бы вам не задаться вопросом: а способны ли на него вы сами?

– Справедливое замечание, – признал мушкетер. – Так, может быть, вступая в спор с вами, я на самом деле, упорно пытаюсь спорить с самим собой?

– Наверняка так оно и происходит, – задумчиво согласился Гяур.

– Вот и все, никакого философского спора у нас так и не получилось, – грустно вздохнул француз.

– Считайте, что из-за отсутствия среди нас философа. Но в ваше оправдание могу сказать: в любом случае я не способен позволить себе этого, лейтенант. Потому что земли мои – и Великая Русь Киевская, и крохотный Остров Русов – все еще не обрели своей державности; что их по-прежнему со всех сторон терзают враги. Что они до сих пор пребывают в том состоянии, когда каждая сабля в стране – на вес свободы. А в таком случае уединение – уже даже не самоубийство как свидетельство слабости, а настоящее предательство. Так было всегда и будет еще долго-долго, пока каждая сабля в твоей стране будет оцениваться на вес свободы.

19

На ужин они были приглашены в большой зал на втором этаже. Ольгица – по-прежнему вся в черном, с черной повязкой на глазах, с распущенными седыми волосами – восседала во главе стола. Справа от нее скромно, стараясь не выделяться, сидели Власта и еще две какие-то женщины. Слева – ксендз и двое мужчин средних лет, по виду – из местных интеллигентов, облаченных в измятые, потертые сюртуки, наподобие тех, которые обычно носят мелкие провинциальные чиновники.

Что касается Гяура и его спутников, то они оказались как бы по другую сторону длинного широкого стола и чувствовали себя там довольно скованно, как неожиданно нагрянувшие родственники – бедные и слишком дальние – на скромном обеде.

Снова разразилась гроза. Шум ливня был сравним разве что с шумом водопада. Мощные раскаты грома содрогали весь дом, и казалось, что стены его вот-вот рухнут под этими раскатами, словно под разрывами ядер осадных орудий.

Люди, сидевшие в зале, казались Гяуру пассажирами корабля, который медленно погружался в пучину океана, но это не помешало им собраться за празднично сервированным столом, чтобы присутствовать на собственных поминках. Вот только самого Гяура этот обряд уже не касался, он был здесь не только посторонним, но и вызывающе чужим.

Озаряя большие фиолетовые окна огненно-красными сполохами, молнии затмевали мерный огонь светильников, преподнося все, что происходило в этом зале, в каком-то фантасмагорическом свете, в неестественных красках и формах.

После одного из таких сполохов Ольгица, поддерживаемая постоянно стоявшими за ее спиной слугами, поднялась и взяла бокал с вином.

– Путь наш измерим и предначертан, – медленно, с твердостью и убежденностью опытного проповедника заговорила она. – В назначенный час Река Времени выносит нас на свой испещренный могилами берег, и она же в назначенный час поглощает нас.

– И все беспощаднее поглощает, – как-то невольно вклинился в ее монолог ксендз, осеняя себя крестом.

– Как видите, я уже прошла свой путь. Но прошла его гордо. Прошла именно так, как мне было завещано. Да, теперь я предстаю перед Всевышним, со всеми своими грехами и достоинствами. Но делаю это мужественно. Ступаю пред очи Господа и предстаю перед судом его, не только не жалея о жизни, но и не страшась смерти. Ибо так мне было велено, так предначертано.

Всевидящая пророчица намеревалась молвить еще что-то, но решила переждать очередной удар молнии, прозвучавший, как набатный звон, поторапливающий ее перед дорогой вечности.

– Да хранит всех нас милостивый Иисус Христос, – заранее отпускал ей все грехи священник, причем делал это и от своего имени, и от имени Всевышнего.

– Я знаю, что пора, – произнесла графиня Ольбрыхская извиняющимся тоном, словно пыталась оправдать перед громами и молниями, перед высшими силами свою многослов-

ную неторопливость. – Спасибо вам, ксендз, – слегка повернула она голову в сторону мужчин. – Спасибо тебе, Власта, вам, люди добрые, что пришли на это последнее пиршество еще одной, увы, далеко не последней на Земле нашей, грешницы.

– Бог простит вас, графиня, – поклонился ксендз, приподнимаясь. – Он милостив. К тому же вы немало натерпелись и здесь, на земном пути.

– Бог простит, – поднимались и кланялись вслед за ним все остальные гости.

– Они что, поминки справляют, что ли? – вполголоса, но довольно мрачно поинтересовался д'Артаньян, снова сядя рядом с Гяуром.

– Не исключено! – так же, полушепотом, ответил тот.

– Я-то думал, что наш приезд будет отмечен хорошей попойкой, с девицами и, как в подобных случаях водится, с балом в честь господ офицеров, – мечтательно заметил поручик Кржижевский, доселе пытавшийся держаться в тени.

– Да простят нас, заблудших язычников, святые идолы предков наших! – завершил обмен разочарованиями Хозар, вкладывая в эти слова все то, что способен был вложить в них только он. И заставил при этом ксендза настороженно взглянуть в его сторону: это что за язычник вдруг выискался, да к тому же – в среде истинных христиан!

– А теперь мы предложим нашим молодым гостям перейти в соседнее строение – в особняк графини де Ляфер, где для них накрыт другой стол и где они смогут провести столько времени, сколько позволит им желание, – словно бы услышала роптание офицеров графиня Ольгица.

– Мы переходим в особняк Дианы де Ляфер? Я правильно все понял? – наклонился к Гяуру лейтенант д'Артаньян.

– Для вас это имя, как зов далекого Парижа.

– А для вас просто... зов, – не остался в долгу мушкетер. – Главное, что нам обоим приятно будет осознавать: здесь все напоминает об этом, хорошо знакомом нам обоим, милейшем, – с некоторой иронией произнес д'Артаньян слово «милейшем», – создании.

– Мы же, все остальные, – продолжала тем временем Ольгица, – еще немного посидим в этом зале. А потом я попрошу оставить меня одну. Ты здесь, Власта?

– Здесь, Ольгица, – отозвалась девушка, так, как всегда отзывалась там, в каменецком трактире «Семь паломников».

– Проведи наших уставших воинов.

– Думаю, они не будут скучать, – заверила ее девушка.

Подняв над головами предложенную служанкой накидку, они все вместе перебежали к карете, которая доставила их к недавно отреставрированному двухэтажному дому графини де Ляфер. После ночной темени парка и полумрака прихожей, просторный, освещенный огромной люстрой со множеством свечей зал показался им святилищем иного мира. Четверо похожих друг на друга, словно сестры, русоволосых девушек, очевидно, плохо представлявших себе, что происходит сейчас в особняке графини Ольгицы, встретили их радостным смехом заждавшихся хозяек. Тем более что все они уже были слегка подвыпившими.

Как только трое скрипачей, усаженных в соседней комнатке, за тонкой стенкой, услышали голоса мужчин, они сразу же заиграли мазурку.

– Вот видите: напрасно вы так огорчились, князь, – как бы извиняясь, но в то же время не без иронии, молвила Власта, давая понять, что оставляет его на попечение девиц. – Здесь вы найдете все то, о чем успели истоскаться, сидя за столом Ольгицы.

– Надеюсь, что действительно найдем, – холодно согласился Гяур. – Разве у вас не возникало желания побывать сегодня вместе с нами на великосветском балу, достойном Маленького Версаля?

– Сегодня, именно сегодня, мои страсти и желания никакого значения не имеют, – парировала Власта. – Ну а что касается нынешнего вечера, то, как видите, вина выставлено

вдоволь, девушки вызваны из ближайшего городка и ношу свою девичью они умеют нести достойно. Так что веселитесь, господа, веселитесь! Праздники существуют для живых. Даже если при этом приходится поминать мертвых.

20

– Я не великий инквизитор Франции и не стремлюсь к тому, чтобы вас постигла судьба вашего предка, Жака де Моле, – сухо произнесла графиня, возобновляя разговор, прерванный оглушительным громом, который, казалось, расколол надвое не только замковый дворец, но и все скалистое плато. – Пока не стремлюсь.

– Тем не менее звучит как угроза.

Де Моле притронулся руками к ее плечам, как бы пробуя обнять девушку, но, резко оглянувшись, Диана посмотрела на него с таким суровым презрением, в сравнении с которыми любые словесные угрозы показались бы графу веселой шуткой.

– Я слышала, что во Францию вы всякий раз пробираетесь тайно, поскольку боитесь полиции. Попытайтесь убедить меня, что это не так?

– Еще недавно вы находились в таком же положении, графиня, – саркастически охмыльнулся рыцарь, – поэтому способны войти в мое положение.

– Хотя и не могу понять, от кого, собственно, вы скрываетесь? Среди заговорщиков, выступавших против Людовика XIII, Анны Австрийской и кардинала, вас не было.

– Вы уже интересовались моей личностью? – встревожился де Моле.

– Естественно, – не задумываясь, солгала графиня. – Мои люди в Париже получили приказ выяснить все, что касается рода графов де Моле.

– Зря вы прибегаете к этому. Все сведения вы могли бы получить от меня.

– Пока что я сомневаюсь в том, что они были бы правдивыми.

– Вот как? Что ж, благодарю за откровенность.

– Во Франции кто-либо знает о вашем нынешнем посещении Шварценгрюндена?

– Только маркиз д'Атьен. Я бываю здесь наездами. Однако ни в Швейцарии, ни во Франции среди лиц, разыскиваемых полицией, не числюсь. Тайна визитов всего лишь продиктована мерами предосторожности.

– С того дня, когда вы провозгласили возрождение ордена тамплиеров, вы уже преступник. Перед королем и святой церковью.

Гость загадочно улыбнулся. Он старался выслушивать графиню с той снисходительностью, с какой обычно выслушивают лепет подростка.

– Для церкви де Моле – вечные преступники. – Так уж издревле повелось. Но в том-то и дело, что в своих намерениях и действиях я уже давно не принимаю этого в расчет. Хотя, не скрою, хотелось бы, чтобы когда-нибудь конфликт между моим родом и церковью был исчерпан.

Графиня вновь отвернулась к окну, предоставив де Моле возможность любоваться изящными очертаниями своего силуэта, запивая при этом огненно-озонные всплески молний ароматами тончайших пряностей.

– Какие бы речи в стенах моего замка вы ни произносили, отпускать вам грехи я не собираюсь, – язвительно сообщила Диана. – Рассчитывать же на новые вам тоже не приходится.

– Пожалуй, так оно и есть, – согласился Великий магистр, едва сдерживая раздражение. Сейчас он готов был проткнуть эту девицу кинжалом. А если что-то и сдерживало его, то вовсе не страх перед двумя татарами, стоявшими за дверью, или мстью шевалье Куньяра. Она нужна была ему живой. Пусть не нежно любящей, но, по крайней мере, довер-

чивой. – Однако я и мысли не допускаю, что вы решитесь выдавать своего гостя, благородного рыцаря, полиции. Это было бы неслыханным в истории французского дворянства.

– Многое вы знаете из истории французского дворянства! – насмешливо заметила Диана, возвращаясь к теплу камина. В этот раз она не опустила в кресло, а взялась за его спинку.

– Я говорю о благородной части нашей аристократии.

– Разве что о самой благородной, – с тем же ехидством согласилась графиня. – Впрочем, всю нашу беседу мы начали не в том ключе. Вам не кажется?

– Это потому, что вы слишком агрессивно настроились и против меня, и против воссоздания ордена тамплиеров.

– Идея воссоздания ордена меня совершенно не интересует, граф. Но замечу, что если он где-нибудь и будет по-настоящему возрожден, то не в стенах замка Шварценгрюнден. Очередного заговора рыцарей против короля и самой Франции они попросту не выдержат – рухнут. Однако во всей этой гнуснейшей повести о «бедных рыцарях Христовых» есть одна страничка, которая может заинтересовать меня точно так же, как интересует лично вас, Великий магистр, – графиня язвительно улыбнулась и уставилась на де Моле.

– Какую именно страницу летописи ордена вы имеете в виду, графиня де Ляфер?

– Ту же, что и вы – на которой написана легенда о несметных богатствах ордена. При чем обратите внимание, что с годами легенда эта выглядит все правдоподобнее, а количество сокровищ, о которых в ней говорится, – все большим. Кстати, подземелья Шварценгрюндена наслышаны о них не меньше, чем обо всех военных и любовных похождениях его обитателей вместе взятых.

– В таком случае хватит общих рассуждений, – почти сурово прервала его словоблудие Диана, – и сосредоточимся на легенде о сокровищах. Вы уже что-либо предпринимали, чтобы окончательно развеять ее?

– Пока что нет. Планы, замыслы, предположения, попытки обнаружить старинные документы или хотя бы какие-то наметки...

– Так вот, если вы перестанете заботиться о воссоздании ордена и готовы заняться поисками сокровищ – в моем лице сразу же найдете сообщницу. И не потому, что я слишком жажду богатства. Во-первых, сами поиски богатств – это романтично. Во-вторых, умирая, отец, среди прочего, завещал мне и судьбу сокровищ тамплиеров, прояснению которой, несмотря на длительные походы и болезни, посвятил немало лет своей жизни.

– Значит, вас, графиня, это тоже по-настоящему интересует! – только сейчас поверил ей де Моле. – Тогда уверен, что мы начнем лучше понимать друг друга.

– Вам уже что-нибудь известно о том, где находятся сокровища? Хотя бы приблизительно.

– Существует несколько предположений. Одно из них касается вашего замка.

Диана задумалась. «Неужели он всерьез поверил, что сокровища могут находиться в Шварценгрюндене?! – разочарованно спросила она себя. – Тогда все наши разговоры ни к чему не приведут. А жаль».

Графиня знала, что ее предки изрыли буквально каждый сантиметр замка, простукали и ощупали каждый миллиметр стены, вскрывая все более или менее подозрительные места. Множество раз изучили семейный архив Шварценгрюнденов-Ляферов, а также бумаги, сохранившиеся у родственников и близких.

– Ну а если отбросить эту сумасбродную мысль и утвердиться в другой – что никаких сокровищ во Шварценгрюндене нет. Уже нет или вообще никогда не было? Что тогда?

– Мне удалось установить, что существует один человек, который способен знать кое-что конкретное об этих сокровищах. По крайней мере, в его архивах мог бы обнаружиться

какой-то документ, благодаря которому мы сумели бы найти другую поисковую тропу. Более обнадеживающую.

– Не могли бы вы изъясняться чуточку яснее? – жестко поинтересовалась Диана.

– Пока что не могу. Поскольку не уверен, что все обстоит именно так. Следует навести кое-какие справки. В частности, кое-что способен прояснить маркиз д'Атьен.

– В том случае, если он все же решится прибыть сюда, делая вид, что ничего не произошло, а коль и произошло, то он не имеет к этому никакого отношения. Так что лучше уж назовите имя несчастного обладателя тайны, дабы зазря не томить мою невинную душу. Вдруг окажется, что и я кое-что знаю о нем?

– Пока не могу. Извините, не могу, – повертел головой граф де Моле и тут же нервно прошелся по залу.

– Да успокойтесь вы, милый граф, – почти нежно остудила его Диана. – Я не собираюсь выведывать ваши тайны под инквизиторскими пытками.

– Заранее признателен вам. – Великий магистр попытался сопроводить эту фразу все той же снисходительной улыбкой, однако на сей раз она не удалась. И не удивительно. Он уже был наслышан о том, каким пыткам подвергали своих недругов в подземельях Шварценгрюндена давнишние владельцы замка.

– Это занятие ближе вашему другу, маркизу д'Атьену, – преисполнилась снисходительностью теперь уже Диана де Ляфер, – вобравшему в себя жажду крови и жар костров от своего предка, великого инквизитора Франции.

21

Проснулся Гяур оттого, что кто-то предстал перед ним и, вместе с ударом грома также громогласно произнес: «Вставай же, вставай! Пора!»

Он с усталой медлительностью открыл глаза.

В комнате – никого. Грома тоже не слышно. Да его и не могло быть. За окном царил тишь, а саму комнату освещала яркая полуночная луна.

До позднего вечера просидев вместе со своими спутниками за столом, он, никому ничего не сказав, вышел на крыльцо и увидел, что у ворот стоит запряженная лошадьми коляска.

– Кого-то привез? – поинтересовался полковник, подойдя к кучеру.

– Кого мне привозить? Вас жду, – ответил тот. И только сейчас, по голосу, князь узнал Вуека.

– Меня? Странно. И давно томишь лошадей?

– Как отвез пани Власту в имение, так сразу и вернулся.

– Зачем?

– Сказал уже, – грубовато напомнил Вуек, – чтобы дожидаться вас.

– Но ведь застолье должно длиться до позднего утра. В этом нас заверила сама Власта.

– Для остальных – до утра. А вас молодая графиня приказала дожидаться.

«Вот змеиное отродье! – проворчал про себя Гяур. Однако вслух ничего не сказал, разве что нервно рассмеялся. – Хотелось бы знать, что она на сей раз замыслила?»

– Почему же ты не зашел, не предупредил?

– Так ведь не велено заходить. Велено ждать, когда вам надоест веселиться, а уж тогда отвезти к дому для гостей. Там вам уже отведена комнатка.

– Но мне не хотелось бы тревожить остальных. Веселье в самом разгаре.

– Зачем же их тревожить? Садитесь в экипаж, господин полковник, и не истощайте себя всякими там заморочками. Чувствуете, как потеплело? Словно и не было грозы. И луна, вон – слегка остывшее солнце, да и только.

– Лучше вернись и предупреди, что я, мол, устал, а потому отправился спать.

– Предупрежу, конечно, чтобы не бросились искать. Однако дорога тут недалёкая.

Войдя в предназначавшуюся для него комнату, Гяур сразу же, едва коснувшись лицом подушки, уснул. Это был даже не сон, а глубокое забытие, в которое может впасть разве что смертельно уставший человек, усталость которого накапливалась не в течение одного дня и не в течение одной дороги.

Да, это действительно было забытие, способное не только восстанавливать силы, но и возрождать, оздоравливать все естество, дабы к утру человек мог предстать перед миром не просто отдохнувшим, но очищенным и невинно праведным.

Судя по всему, его сон выдался именно таким, только очень коротким. Причем проснулся князь от того, что вроде бы кто-то негромко, нежно будил его: «Проснитесь, князь. Проснитесь и выйдите во двор».

Подчиняясь этому гипнотическому навеиванию, Гяур подхватился так, словно услышал тревожный зов полкового рожка, быстро оделся и с каким-то странным, встревоженно-благостным предчувствием вышел из дома.

Остановившись на крыльце, князь увидел, что, несмотря на полночь, окна большого графского дома, расположенного в том конце сада, все еще освещены. Однако доносились оттуда не говор и смех гостей, а взволнованно громкие голоса и причитания. Кроме того, по саду передвигались какие-то люди с факелами. А чуть правее дома, на берегу реки, на холме, с которого вчера ксендз осенял крестом бурлящие пороги, полыхал огромный костер.

– Эй, слуги или кто-нибудь! Что это там происходит?! – громко поинтересовался Гяур, однако ему никто не ответил. Он повторил свой вопрос, но его крик был похож на глас вопиющего во сне.

Ночь выдалась сырой и холодной, и князь, вышедший в одной рубашке, почувствовал, что насквозь продрог.

«Неужели мне решили продемонстрировать сатанинские пляски местных ведьм, слетевшихся по призыву Ольгицы? – недоумевал князь, возвращаясь в комнату. – А ведь похоже, что так оно на самом деле и есть!»

Надев китель, он еще, для верности, набросил на плечи висевший в прихожей плащ-дождевик и только тогда снова вышел на крыльцо.

К костру на холме теперь уже двигалась целая факельная процессия. Несколько скрипачей играли какую-то грустную цыганскую или венгерскую мелодию. Плач и причитания, доносившиеся со стороны процессии, совершенно не увязывались с духом этой мелодии, поэтому еще сильнее интриговали князя. Но самое странное: Гяур не мог понять, почему его никто не предупредил, что этой ночью здесь должно будет происходить нечто подобное? Почему хозяева не пригласили его принять участие в этом шествии, независимо от того, какой именно обряд они там совершают? Или хотя бы не позволили ему стать зрителем?

Считая, что должен исправить это недоразумение, Гяур ступил на дорожку, прошел несколько метров, однако у небольшой беседки путь ему неожиданно преградила темная фигура человека с погашенным факелом в руке.

– Кто вы? – резко спросил полковник, инстинктивно пытаясь схватиться за рукоять сабли, которую, увы, оставил в комнате.

– Я это, ясновельможный князь, Вуек, экононом имения графини Ольгицы. Не узнаете разве? Не опасайтесь.

– Опять ты? Что ты здесь делаешь? Уж не меня ли охраняешь?

– Пробыл в доме француженки, пока паны офицеры не улеглись спать, и сразу же вернулся, – уклончиво ответил экононом, ничего, собственно, этим объяснением своим не объясняя.

– Значит, они остались там? – не пытался настаивать на более членораздельном ответе. – Это хорошо.

– И девки – тоже.

– Бог с ними, с девками. Что происходит в доме графини Ольгицы? Что это за костер у реки, словно там кого-то сжигают по приговору инквизиции? – Гяур пытался пройти мимо Вуека, но тот снова, уже более решительно, преградил ему дорогу к особняку хозяек. А откуда-то из-за беседки появились еще двое мужчин, вооруженных саблями.

– То есть хотите сказать, что мне вообще запрещено подходить туда?

– Мы не можем запретить вам этого, поскольку не решимся останавливать вас силой оружия, – удрученно просветил его Вуек. – Однако пани Ольгица и пани Власта очень просили пана полковника не появляться там. А коль так, надо бы уважить и не идти.

– Чего они опасаются?

– Может, опасаются, может, щадят, но просили не приближаться ни к процессии, ни к костру. Такова их воля.

Те двое, с саблями, очевидно, надворные казаки из охраны имения, стояли молча, но с аллеи не сходили. И Гяур засомневался в том, что они действительно не решились бы оголить оружие, если бы он не прислушался к просьбам владелиц усадьбы.

– Но тогда хоть вы объясните по-человечески, что там происходит? И почему этот ритуал совершается в такой великой тайне от гостей?

– Об этом тоже не велено говорить, – угрюмо стоял на своем Вуек. – Утром пани Власта сама вам все объяснит, если будет на то ее воля.

– Значит, я в самом деле должен поверить, что на холме совершаются какие-то бесовские обряды?

– То, что вы сказали сейчас, ясновельможный князь, не далеко от правды. Только Христом Богом молю: вернитесь к себе. В случае непослушания вас приказано было закрыть и не выпускать до утра. Я не успел сделать этого. Только сейчас направился к вам, но заметил, что вышли, и скрылся в беседке. Видите, еще двое слуг стоят. Они вооружены.

Несколько мгновений полковник колебался, решая, как вести себя дальше.

– Дело не в оружии, Вуек, – наконец примирительно молвил он. – И даже не в том, что вам велено, а чего не велено. Просто как гость я обязан подчиниться традициям, царящим в доме хозяев. И я это сделаю. Можете идти к ним. Я возвращаюсь. И, слово чести, до утра на улице не появлюсь.

– Вот это по-рыцарски, князь, это по-благородному.

22

Когда Власта вошла в опочивальню Гяура, уже всюю рассветало позднее утро, и комната озарилась ярким золотистым светом. Согретый его теплом князь во сне отбросил одеяло и лежал, раскинув руки, оголив неприкрытую рубашкой загорелую могучую грудь.

Теперь Власта была одета в обычное, слегка коротковатое платье, делавшее ее похожей на крестьянскую девушку-подростка, а распущенные волосы были аккуратно расчесаны и прихвачены золочеными шпильками. Словом, все казалось обычным, ничто вроде бы не напоминало о минувшей, «факельной», ночи. Однако лицо и особенно глаза молодой графини все еще сохраняли печать траурной грусти, которую не могли развеять даже счастливые мгновения, отведенные для того, чтобы она полюбовалась ниспосланным ей Богом прекрасным мужчиной.

Впервые открыв глаза, Гяур увидел, что Власта, поджав ноги, сидит рядом с ним в постели и, едва сдерживая нервную дрожь, нежно водит кончиками пальцев по волосам, лицу, груди...

Но потом руки ее вдруг поплыли над ним, совершая какие-то плавные завораживающие круги, и князь почувствовал, как от них исходит успокаивающее, гипнотизирующее тепло, а вместе с ним все тело обволакивает какая-то окрыляющая сила, делающая его легким, почти невесомым. Словно опять готовит к полету, точно такому же, какой он только что совершил во сне.

Полковник закрыл глаза, но все еще продолжал ощущать и даже видеть проплывающие над его лицом ладони девушки, чувствовать взгляд ее глаз, вдыхать луговой аромат волос, в который, однако, едва уловимо вплетался едковатый запах дыма.

Лишь приоткрыв глаза во второй раз, он понял, что все это не сон. Девушка действительно склонилась над ним. Ее туго налитая грудь почти касалась его груди, а длинные смоляные волосы окаймляли ее и его лица, как бы соединяя их.

Гяур погладил волосы Власты, рука потянулась к стану, однако девушка нежно, но в то же время твердо отстранила ее.

– Это ты? Ну да, конечно, ты. Наконец-то эта проклятая ночь прошла. Хотя мне казалось, ей не будет конца. Значит, все-таки ты....

– Забыл добавить: «Змеиное отродье».

– Змеиное отродье, – прошептал он. – Иди ко мне, ложись, – Гяур пытался подняться, но Власта уперлась руками ему в грудь и заставила снова лечь на подушку.

– Я еще «не пришла». Еще не время, – грустно улыбаясь, проговорила она. – Я не могу просто так взять, прийти и пасть.

– А другие? Миллионы других? И не произноси это слово: «пасть». Когда любишь – не падаешь, а возвышаешься. Над собой и всеми, когда-либо павшими.

– Когда любишь, – строго напомнила ему Власта. – И любима. Тогда, может быть, да.

Гяур не стал ни подтверждать ее уточнение, ни отрицать. Он выжидал. Все его встречи и беседы, сами отношения с Властой строились исключительно на выжидании, которое буквально изводило девушку.

– Если бы то, чего ты сейчас добиваешься, между нами действительно произошло, я стала бы для тебя обычной женщиной. Самой обычной. Как многие другие, давно успевшие прийти и пасть.

– Ну да, постоянно следует помнить, что ты – необычная, что для тебя все впервые. Извини, я этого не знал, – иронично улыбнулся князь, все еще пытаюсь мягко, нежно привлечь девушку к себе.

– Видишь ли, – провела она пальцами по груди Гяура. – Я ведь уже говорила: я – не женщина твоя, я – твоя судьба.

– Гнев Перуна! – утомленно закрыл глаза князь. – Опять ты за свое! Может, все-таки лучше было бы, если бы ты считала себя моей женщиной? Самой обычной, греховно-телесной, падшей?

– Иногда мне тоже так кажется. Но тогда кто же стал бы твоей судьбой? Не могу же я лишать тебя высшими силами отведенной тебе судьбы.

– А ведь ты действительно – змеиное отродье, – медленно, истощенно произнес Гяур, яростно покачивая головой. – У тебя изысканная манера издеваться. Просто-таки ангельская манера.

– Ничего не поделаешь, полковник, придется терпеть. И потом, чего зря возмущаться? Разве я всему виной? Все это предначертано. Тебе на роду написано, что ты, несчастный, должен пережить все то, что сейчас приходится переживать; отмучиться со мной столько, сколько суждено.

– Опять повторяешь слова, накарканные тебе слепой пророчицей. Кстати... – всполошился Гяур, теперь уже решительно приподнимаясь. – Объясни-ка мне, только на этот раз выложи всю правду: что там происходило сегодня ночью? В доме, в саду, на холме возле

костра. И что за странную вечерю, с еще более странными поминками, устроили вы нам вчера, вместо того чтобы великосветски развлекать гостей?

– О гостях мы, видит Бог, подумали, тут ты несправедлив. Ну а вчера... Что же тут непонятного? Вчера мы прощались с Ольгицей. Причем прощались именно так, как она того пожелала.

– Она что, уехала к себе в имение?

Власта сошла с постели, приблизилась к окну и несколько минут молча смотрела на реку или просто прислушивалась к своим собственным мыслям и чувствам.

– Все началось с того, что шестьдесят лет назад у камней напротив холма Ольгицу, как здесь говорят, «взяла» река. Ольгица была тогда девчушкой, приехала с матерью сюда, к родственнице, погостить. Река – уверяла Ольгица – «взяла» ее к себе, жестоко побила о камни, почти утопила, но в конце концов все же вынесла на берег. Когда ее нашли, Ольгица уже оказалась ослепшей после ранения в голову. Три дня она лежала в бреду, а на четвертый очнулась. Но самое любопытное: очнулась не просто сама по себе, а оттого, что явилось видение в облике седовласой женщины с черной повязкой на глазах. Словом, – я так поняла – больной девчушке явилась точная копия той Ольгицы, которую ты видел вчера.

– Еще одна легенда, – недовольно повертел головой Гяур. – Здесь все прозябает в каких-то странных легендах. Дом, сад, река – все как будто бы соткано из старинных преданий.

– Наберись терпения выслушать хотя бы одну из них. Вот эта седовласая слепая женщина и сказала Ольгице «занебесным голосом»: «Река отпустила тебя. Но река же и возьмет пепел твоего тела. Произойдет это ровно через шестьдесят лет. День в день. Распорядись же своим телом так, как повелят тебе высшие силы. А потом высшие силы распорядятся твоей душой. Но пока, на шестьдесят лет, тебе дан дар ясновидения и исцеления. На шестьдесят лет – и только».

Гяур подтянул простыню почти к подбородку и сел, опершись рукой о подушку.

– Значит, то, что происходило ночью, – это было?..

– Все правильно: сегодня утром, вот в эти часы, исполнилось ровно шестьдесят лет с того дня, когда Ольгица чуть не погибла. За ночь до того страшного происшествия с ней тоже налетела буря, пошел ливень. Вздыбилась и понесла мосты река, подступив к самому окну комнаты, в которой спала Ольгица. Когда позавчера и вчера все это повторилось, графиня поняла: река снова пришла, чтобы взять ее. Но, прежде чем отдаться на милость стихии, Ольгице очень хотелось убедиться, что ты приехал. Это было последнее ее желание и последнее... пророчество. Последнее, понимаешь? И оно сбылось. Слава Богу, сбылось.

– Но только что она напроорочила чин и смерть д'Артаньяну, – возразил полковник.

– Так и было: напроорочила. Однако убедиться в том, что предсказание сбудется, уже не сможет. По крайней мере, живя на этом свете – не сможет. Она это знала.

Гяур помолчал. Он всегда немного терялся, когда речь заходила о судьбе стариков, о том роковом для каждого часе, которого нельзя ни избежать, ни отвернуть.

– И все же не могу понять, почему ей так важно было видеть меня? То есть я хотел сказать...

– Видеть, видеть... Не оговорился. Просто видела она как-то по-иному. Как именно – уразуметь это нам пока что не дано.

– Но почему для нее было так важно дождаться моего прибытия?

– Очевидно, потому, что заботилась обо мне. Моя судьба волновала ее куда сильнее, нежели ее собственная. Наверное, поэтому она завещала мне оба своих имения, все свое состояние. Теперь я настолько состоятельна, что даже смогу выкупить у графини де Ляфер ее имение Ратоборово.

– И давно мечтаешь об этом?

– С тех пор как поняла, что придется стать единственной наследницей слепой провидицы.

– Но графиня сказала, что дарит тебе это имение. Или, по крайней мере, готова подарить.

– Ты недавно виделся с ней?

– Дело не в этом.

– Так виделся или нет?

– Случайно.

– Во Франции, недалеко от Парижа?

– Точнее, на окраине города. Есть хоть что-нибудь, что можно было бы скрыть от тебя?

– Не должно быть, однако ты все же умудряешься. Теперь ты согласишься, что я не могу принять у графини такой подарок. Даже за символическую плату.

– Но если это действительно подарок, то почему бы тебе не снизить?.. – с легкой иронией поинтересовался князь.

– Впрочем, это уже наши, сугубо мирские дела. Ольгица же... Она почему-то была убеждена, что душа ее вселится в меня. Что я – это как бы продолжение ее самой. Ведь никто не знает, кто мои родители и где они, живы ли... Дело в том, что однажды Ольгица нашла меня на берегу реки. И нашла после того, как снова явилась та седовласая женщина с черной повязкой на глазах и сказала: «Иди к Сатанинскому холму. Там, возле порогов, найдешь ее». Да-да, видение произнесло именно эти слова, а затем, не объясняя, кого именно Ольгица должна найти, исчезло.

Ольгица немедленно приехала сюда из Каменца и двое суток усердно бродила по берегу, «осматривая» все вокруг и прислушиваясь, пока наконец не наткнулась на меня.

– Значит, река тоже взяла тебя откуда-то, а потом вернула? Вернее, преподнесла Ольгице?

– Этого я не знаю, – зябко поежилась Власта, все еще стоя у окна спиной к нему.

– Несмотря на то, что тоже слывешь провидицей?

– Я ведь уже объясняла, что самим себе мы мало чем способны помочь, и мало что о себе знаем. Нам слишком редко и скупно позволяют заглядывать в собственное будущее, в свою судьбу.

– Помню об этом, однако смириться не могу, слишком уж много здесь от несправедливости, пусть даже «высшей».

– Впрочем, если быть честной, я даже не пробовала разгадывать эту тайну. Да, по правде говоря, боюсь разгадывать ее. Хочешь подняться, – уловила она несмелое, но в то же время нетерпеливое движение князя, – однако я мешаю? Одевайся, подсматривать не стану.

23

Гяур поднялся, быстро надел брюки, рубаху, натянул высокие сапоги.

– У тебя на рубашке пуговица оторвалась, – машинально подсказала Власта.

– Что! Ах, да. Я же просил тебя не оглядываться.

– Для того, чтобы видеть твою неряшливость, мне вовсе не обязательно смотреть на тебя.

– Вот оно что! Значит, и ты тоже видишь не видя? О, Господи, наверное, я так никогда и не смогу привыкнуть к этому.

– Привыкнуть сможешь, смириться будет труднее. – Гяур тоже не видел ее лица, но почувствовал: улыбнулась. Что бы Власта ни думала о нем, но к ее ироничной улыбке он уже понемногу привыкает. Хотя особого желанья привыкать к ее ехидству у него не было. – Не волнуйся, пуговицу я тебе, холостяку, пришью.

– Да при чем здесь пуговица?! – отмахнулся он. – Скажи, если все, что связано с рекой, правда, тогда не может ли случиться так, что в конце концов и судьба у вас – Ольгицы и тебя – будет одинаковой?

– В какой-то степени – да. Похоже, что от этого нам уже никуда не уйти. Правда, перевоплотиться в слепую Ольгицу мне не суждено. У меня свой путь. Только и того, что начался он здесь же, у Сатанинского холма, у его камней.

Теперь уже река шумела вроде бы немного глуше, однако время от времени рокот ее усиливался, словно бы ей удавалось в очередной раз прорвать случайно образовавшуюся плотину. Другое дело, что птиц все еще не было. Может, они вообще никогда не поют в этом саду? Здесь ведь можно ожидать чего угодно.

– Как же в таком случае получилось, что графине де Ляфер досталось в подарок именно это имение? И почему графиня попросту взяла и за сущий бесценник продала, а точнее, подарила дом тебе, почти незнакомой девушке? Слишком сложно все это, чтобы казаться случайностью.

– А никакой случайности и быть не могло. Ольгица спасла от смерти дочь богатого торговца, скупившего в разных краях Польши и Украины шесть имений. После этого купец готов был отблагодарить ее любой платой. Однако пророчица от денег отказалась, зато посоветовала познакомиться с графиней де Ляфер. С условием, что если француженка ему понравится, тот подарит чужеземке Работорово. Торговец познакомился с графиней, влюбился в нее, провел много чудесных ночей и до конца своих дней не поймет, почему плата за спасение дочери оказалась столь странной, да к тому же очень невысокой, почти символической. И какая выгода от этого слепой провидице?

«Как же умело Власта отомстила мне этим своим рассказом за Диану де Ляфер! – должен был признать Гяур. – Как тонко, по-женски, она отомстила и мне и графине!»

Но, признав это, вынужден был остановиться буквально в шаге от Власты, хотя так хотелось обнять ее за плечи.

– Так почему же плата оказалась именно такой? Почему имение обязательно должно было попасть к графине? Я уж не спрашиваю о том, как Ольгица узнала о существовании графини-француженки.

– Видишь ли, брать плату за это спасение слепая провидица не могла, не велели высшие силы. По крайней мере, так объяснила сама провидица. В то же время Ольгице очень хотелось провести последние дни своей жизни именно здесь, в доме у реки. В комнате, в которой она спала девчушкой, накануне дня, когда ее забрала река.

– В каком же странном мире она живет! В мире, в котором, кажется, нет места никому другому.

– Ты прав: это ее мир, который принадлежит только ей и который навсегда останется недоступным для нас, то есть для всех прочих. – Девушка помолчала. Но и в молчании ее было что-то философично-библейское. – Убедить торговца, чтобы он подарил имение мне, она тоже не могла. Он отказался бы сделать это, поскольку, в свою очередь, я не подарила бы ему ни одной ночи из тех, какие подарила графиня.

– Завидую этому торговцу, – не упустил своего шанса Гяур. – Ему было что принимать в подарок.

– Вы жестоки и неблагодарны, князь, – тотчас же отреагировала Власта.

Две-три бесконечно долгие минуты, следовавшие вслед за этой словесной дуэлью, понадобились им обоим для молчаливого примирения, которым и воспользовался Гяур. Ему все еще не давала покоя вся эта запутанная, таинственная история.

– Но каким образом между Ольгицей и графиней оказалась в этой сделке ты?

– Еще знакомя графиню с торговцем, пророчица выдвинула условие, по которому имение со временем должно быть продано – не подарено, а именно продано – мне.

– Уж не в плату ли за то, что Ольгица выдаст ей де Рошалья, то есть де Винсента? – остановился за спиной у девушки Гяур. – Кто-то, очевидно, посоветовал графине в поисках этого человека обратиться за советом к ясновидящей. Вот Ольгица и воспользовалась этим, поставив условие: графиня получает голову француза взамен за ночи, проведенные с торговцем, имение и все остальное. Разве я не прав?

– Ты становишься почти ясновидящим, – повернулась к нему Власта.

Лицо ее оставалось до суровости сдержанным, однако полковнику нетрудно было догадаться, что сейчас девушка уже раскаивается в своих откровениях. Или, по крайней мере, мучается сомнениями: нужно ли было посвящать его, князя Одара-Гяура, в тайну этого имения, так необычно связанную с Ольгицей.

– С вами тут не то что в ясновидящие – в библейские пророки подашься, – огрызнулся князь.

– Ты, князь, вряд ли подашься.

– Почему?

– Вершить дела, подсудные небесам, тебе не суждено, – легкомысленно и почти игриво пожала плечами Власта.

– То есть вершить торг, подобный тому, благодаря которому виконт де Рошаль оказался в ловушке некоей французской мстительницы?

Власта попыталась нарисовать пальцем на запотевшем оконном стекле ромашку, однако из этого ничего не получилось, рисунок попросту расплылся.

– Виконт предстал перед миром таким подлецом, что этот грех Ольгице, наверное, простится. Тем более что на веку своем она совершила не столь уж много грехов.

24

Появилась служанка, однако Власта так и не выпустила Гяура из своих объятий, которыми, как догадывался князь, она прощалась.

– Все готово, графиня, – заикаясь проговорила служанка, не решаясь закрывать за собой дверь, не сообщив этого хозяйке.

– Прекрасно, – молвила Власта из-за плеча Гяура. – Как остальные гости?

– Господа офицеры ждут господина полковника. Они хотели войти сюда, но я...

– Но ты ни при каких условиях не вступишь их, – невозмутимо подсказала Власта. – Мы сейчас, несколько минут.

Вслед за служанкой они вышли в сад. Прямо к крыльцу тянулась ветвями яблоня с гроздьями мелких зеленых яблок, и ветер отряхивал с них дождевую росу, словно орошал ею путь молодоженов.

Река возвращалась в свои берега, оставляя на краю сада черный – из веток, ила и тины – след таинственных ночных странствий. Над усадьбой все еще витал тот особый, ильный дух половодья, который долго будет напоминать людям о ее буйном нраве и неминуемой плате за соседство.

– Мне нужно уезжать, Власта.

– Сама понимаю, что пора.

– Я говорил тебе, что еще хочу заглянуть в Грабово, осмотреть то, что осталось то ли от замка, то ли от обычного дома, доставшегося мне от предков.

– Жаль, что не могу наведаться туда вместе с тобой. Если, конечно, согласился бы взять.

– Согласился бы, конечно.

– Но ведь мы еще увидимся, правда?

– Это ты меня об этом спрашиваешь, провидица, умеющая читать судьбы людские?

– Хотела бы стать ею, способной читать...

– Ты теперь графиня и, насколько я понял, довольно богата. Так что могу оставлять, не волнуясь за твою девичью судьбу.

– Да, теперь я достаточно богата. Однако все то, что дано мне от неба, стремлюсь нацеливать не на увеличение богатства, а на то, чтобы лечить людей, помогать им, предсказывая все то, самое страшное, что может ждать их на веку. И еще... Хочу, чтобы они, да, собственно, все мы учились мужественно встречать удары судьбы.

– Ты видишь свое предназначение именно в этом?

Гул водопада на порогах был слышен теперь яснее. Ветер срывал с Сатанинского холма горсти земли и пепла и швырял их в пенящийся водоворот, успокаивая и благословляя.

– По крайней мере, не вижу никакого иного. Наверное, однажды ночью ко мне явится такая же женщина, какая явилась когда-то Ольгице. Не теряю надежды. Возможно, это произойдет на четвертый день после смерти графини.

– То есть явишься ты сама? Такой, какой станешь через шестьдесят лет?

– А возможно, и раньше: шестьдесят лет было отмеряно Ольгице, но не мне. А во всем остальном, очевидно, так оно все и будет.

– Страшновато все это, Власта, не находишь? Не хотелось бы мне жить в том мире, в каком живете ты, Ольгица, другие, вам подобные... С меня достаточно влияния тех «высших сил», которые в действительности правят нашим бренным миром.

– Но стремление познать все то, что познают такие люди, как Ольгица, оказывается сильнее страха, сильнее сомнений – вот в чем истинная загадка. При том, что я всегда предпочитала познавать.

Пройдя еще немного по каменистому берегу, они миновали беседку и снова остановились. Прямо перед ними, в просвете между кронами двух яблонь, виднелась вершина Сатанинского холма, на которой чернело несколько обугленных столбов.

– Поднимемся? – спросил Гяур, внимательно осматривая холм.

– Не нужно, – сдержала его Власта. – Мне кажется, что сейчас над ним все еще витает дух Ольгицы. Днем даже видится некое подобие ее лица.

Гяур умолк и долго смотрел на холм. Словно ожидал, что и ему тоже явится нечто похожее на лик слепой предсказательницы.

– Я не решался расспрашивать, но все же... Как именно это происходило?

– Как? – вздохнула девушка, не очень-то желая предаваться страшным воспоминаниям. – После вчерашнего ужина Ольгица попрощалась со всеми, перекрестилась, стоя перед иконой, хотя истинной католичкой она никогда не была, и пошла к себе. Ксендз попытался уговорить ее исповедаться, однако Ольгица нашла в себе мужество загадочно улыбнуться и спросить:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.